

INSPIRIA

ЗАБЫТЫЕ КОСТИ

ЧТО ЕСЛИ ЕДИНСТВЕННО
РАЗУМНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ –
НЕМЫСЛИМО?

ВИВИАН
БАРЦ

INSPIRIA

Ток. Мистик-триллер

Вивиан Барц
Забытые кости

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Барц В.

Забутые кости / В. Барц — «Эксмо», 2019 — (Ток. Мистик-триллер)

ISBN 978-5-04-169135-6

Бестселлер AmazonCharts. Детектив полиции и страдающий шизофренией профессор вместе расследуют жестокие убийства, балансируя на грани реального, воображаемого и невообразимого. Вы когда-нибудь видели нечто абсолютно невозможное? Для профессора Эрика Эванса видеть странное – в порядке вещей. Шизофренические галлюцинации преследуют его много лет. Но в последних видениях есть что-то особенное – то, что никак не дает ему покоя. Этот маленький мертвый мальчик в джинсовом комбинезончике – что он пытается сказать? Профессор списывает все на стресс, говорит себе, что нужно больше спать. А потом фото мальчика появляется в новостях: убит и закопан у телефонного столба... Обращаясь в полицию, Эванс прекрасно понимает: у копов нет причин ему верить. Да он и сам себе не верит. Но детектив Сьюзен Марлан, расследующая это дело, отчаянно нуждается хоть в каких-то зацепках. «Мальчонка в комбинезоне» был убит более полувека назад. Долгое время его останки пролежали неизвестно где и перезахоронены лишь недавно. Сьюзен плевать, что показания профессора отдают безумием – была бы польза. Только как понять, где правда, пусть и невероятная, а где приступы шизофрении? Тем более что галлюцинаций у Эванса становится все больше. Как и найденных трупов. На свет извлекаются все новые и новые кости... «Роман-кроссовер, где соединились закрученный саспенс, детективная загадка и сверхъестественный ужас. Читая это, порой чувствуешь, как становится холодно, свет начинает мерцать, а сзади все ближе подбирается некто. Фантастическая находка для любителей паранормальных триллеров». – Майк Омер, автор супербестселлера «Внутри убийцы» «Убойный роман. Захватывающий, жесткий, мастерски закрученный». – Кендра Эллиот «Читатель будет и дико смеяться, и до боли проникаться отчаянием персонажей. Многогранная история, населенная удивительно реалистичными характерами». – Даниэль Жирар «Прежде чем начать чтение,

заприте дверь и включите на полную свет». – Мэттью Фаррелл «Роман показывает, насколько Барц умеет быть оригинальной и задать такой тон повествования, который способен поглотить читателя». – MidwestBookReview

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-169135-6

© Барц В., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вивиан Барц

Забытые кости

Vivian Barz
Forgotten Bones

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Остину Уильямсу, чьи слова поддержки и ободрения помогли мне идти вперед в тяжелые дни.

(Буррито, которые он покупал во множестве, поддерживали и ободряли не меньше.)

Пролог

– Не, я правда не понимаю, что тут такого особенного. А ты? – пожаловался с водительского кресла Дерек Рицман и, не дожидаясь от подружки ответа, продолжил, что не стало для нее неожиданностью. Дерек всегда впадал в многословие, когда его что-то раздражало. – В том смысле, что да, приходится терпеть весь этот шум, грязь, торчков и туристов, но во Фриско¹, по крайней мере, если заблудишься, тебя не оприходует в лесной хижине какой-нибудь мудака с банджо.

– Угу. – С таким же успехом Дерек мог бы распинаться о чем угодно. Рот у него не закрывался уже добрых десять минут, и слушать его Дэника перестала после двух первых.

В отличие от своего брюзгливого попутчика, она была довольна почти всем.

Ерзая на горячем кожаном сиденье, Дэника окинула Дерекса взглядом, и внутри что-то шевельнулось. Все сильнее хотелось уже какой-то движухи.

Если б он только заткнулся...

– Должно быть, повернул не туда, – пробормотал Дерек. – А где, не знаю, потому что на половине этих долбанных дорог нет никаких знаков. Как они тут разбираются, куда двигать? – Он прокашлялся и засопел: – *О'кей, ковбой, что тут надо, так это взять вправо на вилке, где древний сараишко без дверей. Как наткнешься на ржавый трейлер с дырками от пуль – там мет варят, а не автостопщиков грохают, – рули налево. Уприсься в свалку со злющими псами – стало быть, проехал лишку.* – Дерек отрывисто, по-собачьи, рассмеялся и глуповато ухмыльнулся Дэнике, довольный своей имитацией деревенского говорка не меньше, чем вообще самим собой.

На Дэнику его спектакль большого впечатления не произвел. Бесперывное твяканье Дерекса мешало достичь кайфа. Кроме того, у нее уже давно свербело между ног, и с этим зудом надо было что-то делать. Она потрепала Дерекса по волосам – прическа обошлась в 200 долларов, и ему нравилось этим хвастать – *да, парни, двести баксов, но сами видите!* – и пробежалась пальцами по затылку.

Дерек положил свою руку на ее и сдвинул вниз, слегка помяв, чтобы она поняла намек и помассировала ему шею.

– Эй, малыш, может, съедешь на обочину на минутку... – попросила Дэника.

– Не, честно, понятия не имею, куда нас занесло. – Он скосил на нее сердитый взгляд и раздраженно вздохнул. – А ты?

Она тоже вздохнула и убрала руку.

– Нет. – Тряхнула головой, и рассекающая дорогу прямая линия качнулась.

– Остановлюсь-ка возле вон того «Старбакса» на углу да наведу справки.

Дэника икнула, и в животе всем объемом колыхнулось выпитое дешевое шардоне. Господи, надо же было так надратся... И почти ничего не съела. Сколько ж выдула? Бутылку? Две?

Но тогда и есть-то особенно не хотелось, потому что, черт возьми, кто же ужинает в шесть вечера? В пятницу!

Ну да, правильно – замужние зануды с детьми, вот кто.

Слава богу, она не одна из них.

Дэника, прищурившись, посмотрела в окно.

– Какой еще «Старбакс»?

– То-то и оно, – фыркнул Дерек. – Знаю, надо было получше расспросить, как ехать, но я бы конкретно взорвался, как хлопучка, если б остался там еще на одну миллисекунду. Они

¹ Фриско – прозвище Сан-Франциско.

нас держали, как каких-то заложников. А знаешь, уже почти десять. Грег сказал, Перрик – это что-то вроде города, там и магазины, и заправки, и можно остановиться и спросить дорогу, если заблудимся, но я пока ничего такого не видел. А ты?

– Нет.

– Вот если б ты не забыла телефон в лофте...

– *Вот если б ты не посадил батарею...* – Дэника безвольно уронила голову вперед, и волосы упали ей на лицо. Их тут же трянуло на колдобине, и голова, подскочив, резко откинулась назад.

Оторвав взгляд от дороги, Дерек уставился на свою ненадежную спутницу.

– Господи, Дэни, сколько ж ты приняла?

– Вполне достаточно, чтобы Грег и Шелли начали проявлять ко мне интерес.

– Ну да? – Дерек фыркнул. – Seriously, я бы, наверное, глаза себе вилкой выколол, если б Грег показал еще одну фотку этого их жуткого ребенка с размазанным по всему лицу шоколадным пирожным. Как будто его наедине с мусорным ведром оставили. А голова – видать, с артишока копировали, да? И с каких это пор у родителей повелось хвастать фотками своих обжиралющих детенышей? Если они мелкие, то это уже не так отвратительно, выходит? На какое дно мы опустились, Дэни! В былые времена люди собирались и обсуждали какого-нибудь чмошного Платона, а теперешний стандарт – детишки с лапшой и дерьмом на рожах?

«Когда это ты в последний раз вспоминал Платона, умник мой дорогой?» – подумала Дэника и прикусила губу, чтобы не расплыться в улыбке.

– Голова-артишок с шоколадным тестом в волосах! – разглагольствовал Дерек. – Отвратно. А если б я так сделал?

Она пожала плечами.

– Не знаю. – *Бла... бла... бла...*

– А знаешь? Вот что я сделаю. – Дерек хлопнул ладонью по рулю. – В следующий раз возьму жирную, с кровью, вырезку, вгрызусь и отправлю фото Грегу, когда он будет обедать. Посмотрим, как ему понравится. Типа намек – мол, пошевели мозгами, и до тех пор, пока не попрошу, не показывай мне эти мерзкие картинки, на которых твой отпрыск сует еду себе в задницу. – Он покачал головой. – Ты можешь поверить, что эти двое были свингерками?

Дэника выпрямилась, насколько способен выпрямиться человек, которого штормит. Со стороны ее фигура выглядела сгорбленной и покосившейся.

– Seriously? Нет!

– Да. Это еще до того, как им сделали лоботомию, без которой в пригород не селят. Задолго до появления Артишоковой Головы, – доверительно сообщил Дерек, с удовольствием воспользовавшись моментом, чтобы посплетничать о партнере по бизнесу. – Занюхивали тонну кокса – то есть несколько граммов за пару часов, так что уже из носа сыпался, – а потом отправлялись в городской секс-клуб. Грегу нравилось смотреть, как Шелли делает это с другими... Э, ты что это вытворяешь?

– А на что похоже? – промурлыкала Дэника, взяась с «молнией» на штанах Дерек.

Дерек убрал руку подружки, но она тут же, словно подброшенная пружиной, вернулась на место.

– Перестань, детка. Мне нельзя отвлекаться.

– Включи многозадачность. – Дэника взялась за дело обеими руками, демонстрируя ловкость и деликатность гризли, пытающегося поймать лосося в бурной реке.

– *Мне больно.* Прекрати! Мы из-за тебя разобьемся.

– Я буду нежной.

Замок скрипнул.

– Господи, ты мне его едва не оторвала!

– Он мой! Мой!

Дерек вскрикнул – «БМВ» вильнул и выскочил на встречную полосу. К счастью, было уже поздно (по крайней мере для тех, кто живет в лесу), так что он успел вывернуть руль и вернуться, не вызвав недовольства других участников движения, – на дороге он был один.

Никогда не отличавшаяся уступчивостью, Дэника отстегнула ремень безопасности, повернулась и, подавшись вперед, уткнулась лицом в промежность Дерекса.

В следующий момент Дерек почувствовал, как ему сжали *там* словно тисками, и определенно слишком сильно – сочетание *зубы* и *минет* звучит пугающе для каждого мужчины; он уловил поднимающийся снизу запах пьяного сопеня. Она все глубже и настойчивее зарывалась в его пах, и он заерзал на неуступчивом кожаном сиденье, пятясь и спасая свой испуганный съездившийся пенис от ее жадно всасывающего рта.

– Давай, – приказала Дэника, дергая резинку «боксеров». Одну сторону ей уже удалось стащить наполовину, и мокрая от слюны тонкая хлопчатобумажная ткань трусов неприятно липла к коже. Причмокивая и пьяно выпячивая губы – наверное, это казалось ей соблазнительным, – она посмотрела на него снизу.

Дереку так не казалось. И еще ему не понравился отчаянно-проказливый блеск в ее глазах.

– Давай!

Внедорожник скакнул вправо, разбросав гравий и опасно накренившись к ограждению. Взгляд Дерекса автоматически метнулся к зеркалу заднего вида – первая привычка облажавшегося водителя, как будто дорожный патруль в Калифорнии хватает нарушителей только сзади. *Если сзади коп, то он не остановит меня только в том случае, если ослеп, уснул или откинулся. Надо взять к обочине и избавиться его от необходимости включать огни.*

– Ну же, малыш, спусти пса! – взывала Дэника, не ослабевая натиска. – Давай! Спусти пса!

Шаря рукой вниз, он коснулся ее груди. Интерпретировав жест как аванс, она глухо застонала, сунула руку в трусы и бесцеремонно ухватила плененную плоть. Машина качнулась, под капотом жутко заскребло.

– Не могу переключить! Подвинься!

Дерек оттолкнул Дэнику. *Сильно.* Ей это не понравилось, но он подумал, что еще меньше ей понравилось бы, если б они перевернулись. Он медленно выдохнул, но выдох застрял где-то возле колотящегося в горле кома. Еще бы чуть правее...

– Послушай, изви...

– Боже, какой же ты зануда! Если я тебя не устраиваю, почему бы тебе не трахнуть свингершу Шелли, а? А Грег пусть смотрит!

– О'кей, пьянчуга, давай, вылакай еще бутылку. Это же так классно, когда ты в стельку... Спасибо, что не отправила на небеса.

– Ты эту тупую железяку больше, чем меня, любишь!

Не отвечая на претензии разгорячившейся подруги, Дерек, однако же, подумал, что вот сейчас она и впрямь права.

– Я не... – Дэника икнула, рыгнула и похлопала себя по груди. – Что-то мне... нехорошо...

– Эй, ты только не... *Вот же дерьмо!*

Дерек крутанул руль влево, причем так резко и с такой силой, что плечо вывернулось из сустава и выпятилось под рубашкой под каким-то нечеловеческим, гротескным углом.

Беспомощный, он в отчаянии наблюдал, как его драгоценная тачка пересекает полосу встречного движения, скатывается по невысокой насыпи, прорывает хлипкое ограждение из колючей проволоки, врезается в телефонный столб и останавливается с разбитым ветровым стеклом.

Тряхнуло так, что Дэнику швырнуло, словно куклу, на приборную панель, подбросило к потолку и кинуло на сиденье. По дорогушей кожаной обивке, захватив правую руку Дерекса,

расплескалась рвотная жижа – горячая, вонючая: кислая и в то же время сладковатая, с виноградным оттенком. До него дошло, что Дэника, возможно, ранена, что нужно наклониться, расстегнуть ремень и проверить, как она. Он еще услышал ужасающую лебединую песню своего умирающего, обошедшегося в 80 тысяч баксов внедорожника – первого автомобиля, купленного не в кредит, – выдох воздушных мешков, хлопки и стоны раздавленного двигателя, шипение спущенных камер.

Но ни о чем таком Дерек не думал. Он думал о маленьком мальчике, которого только что переехал.

Ни слова не сорвалось с его губ, но в голове они рвались криком. *Господи, скажи мне, что ничего этого не случилось! Пусть даже я был не пьян, пусть даже было темно, пусть даже меня отвлекла Дэника, и этому мальчишке нечего было делать посередине дороги – куда, черт возьми, смотрели его родители? – за рулем, что ни говори, сидел я. Я только что убил ребенка и теперь пойду за это в тюрьму. Пожизненно.*

Дерек обхватил рулевое колесо и, по примеру спутницы, выдал рвотный залп.

Дэника освободилась раньше. Выброшенная в кровь доза адреналина протрезвила ее в считанные мгновения. Выскочив из машины, она обежала ее сзади, ухватилась за ручку мягкой, как обертка от жвачки, дверцы, рванула с нечеловеческой силой и замерла, ошарашенная тем, как легко, без сопротивления та поддалась.

– Дерек! Живой?

– Ты уже снаружи. – Дерек непонимающе уставился на нее округлившимися глазами. – Мы в поле.

– Боже мой, ты весь в крови! Поранился? Отвечай! – Подгоняемая паникой, она вскарабкалась по насыпи на обочину пустынной дороги и замахала руками. – Кто-нибудь, помогите!

На ее зов никто не отозвался.

Дэника бегом вернулась к машине.

Дерек не сводил глаз с телефонного столба напротив разбитого ветрового стекла. Столб расщепился, и половинки разошлись под почти прямым углом. Если он выглядит так плохо, то каково же состояние...

– Я сбил ребенка.

Дэника вздрогнула.

– Что? Когда?

Дэника стащила с себя кардиган и прижала к глубокому порезу, протянувшемуся от линии волос до подбровья.

– Ш-ш-ш... Все в порядке.

Дерек оттолкнул руку помощи.

– Не в порядке! Ты слышала, что я сказал? Я сбил ребенка! Прекрати возиться со мной. Иди и посмотри, что с ним!

Дэника медленно покачала головой:

– Нет, милый. Не было никакого ребенка.

– Что ты такое говоришь? Думаешь, я просто так въехал в столб? – заорал он, уставившись на нее выпученными глазами. – Ты наклюкалась, поэтому и не...

– Да, наклюкалась, но не ослепла! Смотри, у тебя голова разбита. – Она сунула ему под нос пропитавшийся кровью кардиган. – Ты серьезно поранился и, по-моему, видишь то, чего нет. Если в ближайшее время никто не появится, я пойду вон на ту ферму, за полем.

Дерек выбрался из машины. То ли Дэника не желала признавать очевидное, то ли зрение сыграло с ним коварную шутку.

– Нет. Я видел его, – уверенно сказал он. – Клянусь, он смотрел прямо на меня, перед тем... как я его сбил. Такой маленький. И взялся ниоткуда! – Он закрыл лицо руками и всхлипнул. – А я его убил. Убил малыша!

Дэника положила руку ему на плечо.

– Тебе не надо бы расхаживать.

– Я в порядке! – сердито бросил Дерек, хотя и понимал, что это неправда. Умирать он не собирался, но вполне допускал, что получил сотрясение.

Дэника взяла его за руку. Подружкой Дерек она была более двух лет и понимала, что дела пойдут быстрее, если не пожалеть нескольких секунд и успокоить его. И поскорее доставить в больницу.

– О'кей, а что, если мы поищем его вместе?

– Уже темно!

– У нас есть фонарик, – напомнила она и показала на небо: – И глянь, полнолуние.

– Ладно. Бери фонарик.

Вместе они прошли по четверти мили в каждом направлении и осмотрели не только дорогу, но и поля по обе стороны от нее. Ни ребенка, ни даже признаков, указывающих на его пребывание здесь – следов обуви, рюкзака, игрушек, оберток от конфет, – им не попало. Единственным свидетельством посещения этих мест людьми была смятая банка из-под пива, обнаруженная на обочине, и даже Дереку пришлось согласиться с тем, что редкий ребенок осмелится выползти в ночную тьму ради нескольких противозаконных глотков «Будвайзера».

– Подумай, – сказала Дэника. – Что делать ребенку в такой глуши посреди ночи, да еще совсем одному?

Дерек и сам задавал себе этот вопрос в ходе их бесплодных поисков.

– Не знаю. Может быть, он сбежал из дома?

– Но ты же сам сказал, что он маленький, да? Типа детсадовец? И как далеко, по-твоему, может убежать такой малыш? Вспомни себя в этом возрасте, когда два квартала воспринимались как двести миль и дорога в другой мир. Нет, правда, учитывая позднее время и холодрыгу, мне как-то не верится, что здесь мог быть ребенок. – В качестве последнего аргумента Дэника осветила фонариком под машиной. – Видишь? Уж кровь-то должна была бы остаться? Или там... клочок волос. Или прилипло бы что-нибудь к радиаторной решетке.

– Наверное, – согласился Дерек.

– И потом... Ты на самом деле почувствовал удар, перед тем как мы съехали с дороги? Я потому спрашиваю, что сама ничего не почувствовала.

Почувствовал ли он удар? Теперь Дерек засомневался. Но что же тогда получается? Неужели он съехал с дороги безо всякой на то причины?

– Здесь жуть как темно, а ты устал. Мы заблудились и... – Дэника драматически подняла руки и повернула их ладонями к нему. – О'кей, я была немножко невыносима, поэтому ты отвлекся. Мое предположение: ты увидел косулю или что-то еще в конце поля и принял это за ребенка. Знаешь, такое бывает, когда устаешь. Я сама чего только не видела на Ай-пять, когда гнала поздно вечером из Лос-Анджелеса.

Дэника не стала указывать на то обстоятельство, что несмотря на усталость, она-то ни о какой телефонный столб свою машину не разбила.

– Ты так думаешь? – «А ведь вполне вероятно, – подумал Дерек. – И даже более вероятно, чем одинокий ребенок на дороге».

– Да, – уверенно заявила Дэника, заведя наконец свет в конце тоннеля. – Да еще Грег весь вечер совал тебе под нос фотки своего сынули. Может, ты и уснул на долю секунды, а когда проснулся, увидел на дороге этого... как ты там его называешь? Артишоковая Башка?

– Наверное, ты права, – согласился он наконец. – Тогда пусть это будет наша официальная версия, о'кей? Ну, что я уснул. – Больше всего Дерек хотел, чтобы все так и было на самом деле. А учитывая обстоятельства, ему и самому нужно было в это поверить.

И все же не думать об этом совсем он не мог. Артишоковая Башка был жутковатым маленьким уродцем, тогда как привидевшийся ему мальчуган выглядел вполне даже симпатично в голубом комбинезончике – под цвет глаз.

Глава 1

Проведя три с половиной часа под завывающим ветром, офицер Сьюзен Марлан наконец-то узрела приближение конца. Парень из «Ар-энд-Джи электрик» завел наконец экскаватор и вроде собрался взяться за дело (этим ребятам нравилось здесь еще меньше, чем Сьюзен), и если так, то, возможно, ей еще светило попасть домой в течение часа, есть мороженое и смотреть «Игру престолов».

Она устало вздохнула и потеряла затекшую шею, сгибая и разгибая колени в безуспешной попытке согреться. Все могло быть гораздо хуже. По крайней мере, никто не погиб и даже не пострадал серьезно, не считая нескольких порезов и возможного сотрясения мозга, – настоящее чудо, если учесть состояние автомобиля.

Бумажная работа тоже не обещала головной боли, поскольку с водителем все было ясно. Ей не пришлось бы морозить задницу в поле, если б этот выпендренный идиот не уснул за рулем и не въехал вместе со своей анорексичной подружкой в телефонный столб, который только что не лег на землю, создав угрозу поражения электрическим током для участников движения; хотя этой дорогой пользовались лишь местные фермеры и подростки, рыскающие в поисках возможности выпить или потрахаться (или совместить одно с другим).

С положительной стороны – сверхурочные.

Ожидая завершения, Сьюзен раздумывала о деталях аварии. За годы службы она развила в себе чутье к вранью. От этих двоих несло хуже, чем от тexasского пастбища.

Поначалу Сьюзен заподозрила старый водительский фокус: за рулем сидела Дэника, чье зловонное, как у дракона, дыхание распространялось, наверное, на пять ближайших округов; она управляла машиной во время аварии, а потом поменялась местами с Дерекком. Однако, с каких сторон ни рассматривала Сьюзен ситуацию, подозрения не подтверждались. Не мог этот парень пустить за руль своего драгоценного «БМВ», который он, судя по всему, ежедневно протирал мягкой тряпочкой, вдребезги пьяную подружку, когда и сам мог прекрасно вести.

Дерек уже подул в трубочку, показавшую, что он действительно чист. К тому же, обследуя машину, Сьюзен обнаружила, что водительское кресло отодвинуто от педалей на расстояние, более соответствующее росту Дерекка – шесть футов и два дюйма, – чем Дэники, которая едва тянула на пять и один. Далеко не каждая пара – если только она уже не попала на вождение в нетрезвом виде (а ни Дерек, ни Дэника не попадались), – когда один выгораживает другого, подумает о фальсификации такой детали, как подгонка кресла. Тем более после того, как они только что разбили дорогую тачку.

Сьюзен, правда, показалось, что они как-то странно отреагировали на вопрос о фонарике. Вопрос был стандартный – *Для чего вы им пользовались?* – и предполагал стандартный ответ: *Мы пользовались им для осмотра поврежденных автомобиля.* Так они, в общем-то, и ответили, но потом были взгляды. Такими взглядами обмениваются люди, имеющие общее мнение относительно некоего предмета и не желающие его озвучивать. Для Сьюзен подобное было равнозначно признанию вины или, по крайней мере, утаиванию информации. Она задала полагающиеся вопросы, проверила Дерекка на алкоголь и осмотрела место аварии, но ничего подозрительного не обнаружила. Оставалось только отправить обоих со «Скорой помощью».

Но те взгляды не давали ей покоя: что же они скрывают?

– О'кей, нам дали зеленый свет, – сказал старший из группы «Ар-энд-Джи». Гэри? Грант? Или как его? – Извините, что так долго. Пришлось ждать, пока центральная отключит линию, чтобы нас...

– З-з-з-з-з! – загудела Сьюзен, выставив перед собой трясущиеся скрюченные пальцы, и он рассмеялся. Гейб. Точно, Гейб.

– Да, вы правильно поняли. – Гейб улыбнулся. – Еще что-нибудь нужно подписать?

Уже из патрульной машины Сьюзен позвонила в диспетчерскую. Сообщила, что закончила, и передала информацию. Установить местонахождение владельца собственности, недавно отпущенного по условно-досрочному сексуального насильника по имени Джеральд Никол, не удалось. Прежде чем сдать назад, Сьюзен вытянула затекшую шею и оглянулась через правое плечо. Тут и там темнели глубокие рытвины. Загнать машину в одну из них было бы весьма некстати. В свои двадцать девять она оставалась одним из самых молодых сотрудников местной полиции и регулярно становилась жертвой добродушного подшучивания со стороны старших коллег. Кто знает, что они скажут, если...

– Эй!

Сьюзен вздрогнула от неожиданности, когда вынырнувший из ниоткуда Гейб постучал в лобовое стекло. Еще больше напугало его перекошенное ужасом лицо. Остановив машину, она торопливо выскочила из нее и инстинктивно потянулась к кобуре.

– Что случилось?

Глаза у Гейба были размером с тарелку.

– Тут есть кое-что... Вам нужно посмотреть.

– Что? Оголенный провод? – Ничего другого она представить не смогла. – Мне надо позвонить...

– Нет, мы нашли тело. Мертвеца! – Он практически визжал.

Может быть, из-за холода Сьюзен не сразу поняла, о чем речь. Но этого не может быть, ведь она проверила весь участок.

– Где?

– Закопано. Рядом с телефонным столбом!

– Господи!

– Точно... – Гейб с усилием сглотнул. – Может, пройдете?

Сьюзен последовала за ним к треснувшему столбу, где уже столпились ребята из «Ар-энд-Джи». Все смотрели в яму. Пробившись вперед, она сразу поняла, что так ошарашило их, а теперь и ее.

– Это же ребенок.

Глава 2

Эрик Эванс был шизофреником.

Но не только, а еще и профессором геологии, запойным кофеманом, не лишенным таланта барабанщиком, поклонником фильмов Джона Карпентера, весьма умеренным курильщиком и бывшим мужем художницы-абстракционистки по имени Мэгги. При всем при этом именно титул «шизофреник» служил определяющим фактором. Расстаться с этим статусом – в отличие, скажем, от статуса «курильщик» – он так и не смог, как ни старался, какие усилия ни предпринимал.

Эрик не считал себя психически неуравновешенной личностью и был полностью прав в этом отношении. Вопреки созданному и настойчиво эксплуатируемому Голливудом негативному образу определенного типа шизофреников, большинство тех, у кого диагностированы психические расстройства, не представляют опасности для окружающих. Эрик принадлежал к кругу тихонь, которые, как он часто указывал, подтверждают старую истину: не верь всему, что видишь по телевизору.

Когда люди спрашивали его о шизофрении, Эрик, который не хвастал своей болезнью, но и не стыдился ее, предлагал для сравнения алкоголизм. Не каждого пьяницу от социального дна отделяет стакан бурбона; так же и не каждый шизофреник – вооруженный безумец со спутанными волосами и шальными глазами, которому доставляет удовольствие стрелять в *чужаков* с часовой башни. Как есть дееспособные алкоголики, так есть и дееспособные шизофреники, которые работают, содержат дом, имеют хобби, ставят цели и заводят отношения, подобно остальным обитателям планеты.

Это не значит, что Эрик не считал себя действительным членом Клуба сумасшедших. Доктора диагностировали его шизофрению как остаточную – такой вежливый способ сказать, что время от времени он слышит или видит то, что «нормальные» люди не слышат и не видят: блики света, шепоты, сигналы тревоги и, в редчайших случаях, людей. Теперь, когда он научился справляться с психическим заболеванием, оно почти не сказывалось на его повседневной жизни. И все же, поскольку болезнь эта не лечится, Эрик знал, что полного порядка в голове никогда не будет, и с этим фактом давно научился сосуществовать.

Что с головой у него не всё в порядке, Эрик начал подозревать в девятнадцать лет. Как-то раз старушка, стоявшая рядом на автобусной остановке, больно стукнула его тростью, коротко сообщила, что «Земля – эксперимент», и Эрика поглотила черная дыра. Очнулся он через несколько часов на полу в душе – дрожащий, со съехавшими мокрыми джинсами и видеокассетой на животе. (Кассету он взял у брата, и на ней были записаны «Гремлины»².)

После старушки карусель и закрутилась. Паранойя, мания величия, панические атаки, странные провалы во времени: для здравомыслящего, вменяемого человека – безумие, но для больного шизофренией – обыденность, повседневная реальность. Пошел к дантисту, и, пока удаляли зуб мудрости, правительство имплантировало ему в мозг микрочип. Семья замыслила его убить. Шепчущие голоса в вентиляционной шахте подтверждали то, что он давно подозревал: мир таков, каким он его видит, и в лечении на самом деле нуждаются все остальные. Когда близкие, любимые люди выступили против его заблуждений, Эрик логично рассудил, что в реальности они не существуют, что их на самом деле просто нет, а есть голограммы, созданные, по всей вероятности, микрочипом. И у всех у них одна цель – разделаться с ним.

Теперь он каждое утро принимал лекарства, антипсихотик и антидепрессант: минолдезин и раксин. Как и двух похожих снежинок, двух одинаковых шизофреников не найти. На

² «Гремлины» – комедия ужасов 1984 г. про отвратительных существ, учиняющих разгром городка.

пике обострения он представлял, что находится Внутри Кривой. Фраза бессмысленная, но для Эрика это все имело свой причудливый, идеальный смысл.

Некоторые бедолаги сражаются с галлюцинациями ежедневно, он же мог не сталкиваться с ними годами – *если* продолжал регулярно принимать лекарства. Таблетки вызывали небольшую сонливость, но благодаря им болезнь проявлялась не так заметно, поэтому он не обращал внимания на некоторую заторможенность. Кроме того, под рукой всегда был эспрессо.

Окончательно отделаться от своих друзей, обладателей вкрадчивых, воркующих голосов, звучащих у него в голове, было намного труднее – при шизофрении один на один с собой ты не остаешься никогда. В тех несчастных случаях, когда они начинали уж очень буйствовать, Эрик приглушал их, насвистывая музыкальную тему из «Шоу Энди Гриффита»³. Если во взрослении и был положительный аспект, то для Эрика он заключался в том, что голоса со временем притихли. В тридцать шесть он уже едва замечал их. Они стали не более чем фоновым шумом, как работающий в другой комнате телевизор. Он даже подозревал, что скучал бы по ним, если бы они вдруг исчезли совсем, как горожанин скучает по шуму дорожного трафика после переезда в пригород.

Подобно большинству шизофреников, Эрик обнаружил, что его симптомы обостряются в периоды крайнего волнения и беспокойства. Как, например, в прошлом году, когда он узнал об Измене.

Об Измене Эрик старался не думать без особой необходимости.

Мэгги была ему неверна. По мнению Эрика, предательство было тройное, потому что Джим, *другой* (Эрику этот термин казался столь же нелепым, как и *любовница*), был его коллегой, лучшим другом и (барабанную отбивку, пожалуйста) старшим братом. Теперь осталась только одна ипостась – статус родственника никуда не денешь.

Эрик увидел их в окно.

Джим, оглядев исподтишка постыдно модное веганское кафе, в котором укрылась парочка, провел ладонью по свитеру Мэгги и торопливо тронул ее за грудь. Мэгги шутливо хлопнула его ладонью по колену, после чего они ткнулись друг в друга лбами и захихикали. Взрослые люди вели себя как подростки. Целых семнадцать страшных минут Эрик топтался под падающим снегом, пока его жена и брат миловались в кафе. Обжимались. Нашептывали всякие словечки друг дружке на ухо. Целовались.

За актом их Измены он наблюдал немигающими глазами, под стук сердца в ушах, сжав кулаки так, что ногти прорвали кожу, позабыв внезапно, как дышать, как думать рационально, пытаясь убедить себя, что ошибся, неверно интерпретировал ситуацию, но зная в глубине души, что все так и есть. Даже слепец увидел бы неверность. И они делали это здесь, открыто, у всех на виду, не скрываясь, словно надеялись, что их поймают.

Им и в голову не приходило, что Эрик все видит.

Они заметили его только тогда, когда он ворвался в кафе «Мунфлауэр» и отмолотил брата до бесчувствия под льющиеся из динамика причитания Боба Марли о мире и любви. Джим, бывший на добрых 30 фунтов тяжелее и на четыре дюйма выше Эрика с его 185 фунтами и почти 6 футами, не сопротивлялся, что только распалило последнего. Даже не прикрывал свое лицо симпатяги, предоставив брату полный карт-бланш, пока тот не решил, что достаточно.

Крику, как и можно было ожидать, хватало. Кричали посетители, кричала Мэгги. Хипстеры-неорастаманы с тугими дредами испытали такой шок, что уже не могли поглощать свои пятидолларовые грибные чаи и семнадцатидолларовые бургеры с черными бобами; к такому откровенному проявлению насилия они не привыкли.

Голос самого Эрика в течение всего действия звучал чуть громче шепота.

³ «Шоу Энди Гриффита» – американский комедийный сериал 1960-х.

– Я знал. Знал, черт побери. – Только эти слова он и произнес, качая горестно головой, после чего вырвался из кафе, словно безумец из «Ночи живых мертвецов», в одежде, испачканной кровью брата.

В детстве Джим и Эрик дрались частенько, находя причину в бессмысленном братском соперничестве, но случай в кафе стал первым, который Эрик вспоминал впоследствии как Великое Избиение в кафе «Мунфлауэр»-2018, и единственным за всю его жизнь, когда он сознательно хотел причинить брату физическое увечье.

И причинил.

У Джима обнаружили трещины в двух ребрах, перелом носа, вывих челюсти и рассечение брови, на которую наложили пять швов. Эрик сожалений не выразил, да Джим и не ожидал. Он знал, что виноват. Полицию не вызывали – вопреки требованию Мэгги. Джим заявил, что обвинений выдвигать не будет.

Причина, спровоцировавшая Эрика на такую жестокость – к концу избиения костяшки пальцев напоминали перезревшие помидоры, – заключалась не в недостатке скрытности со стороны Джима и Мэгги, а в том, как они использовали его шизофрению к собственной выгоде, чтобы уязвить человека и без того психически увечного.

В первую очередь Эрик доверял собственной интуиции. С его вывернутым мозгом другого варианта для выживания не было. Предчувствие чего-то нехорошего появилось задолго до того, как судьба решила вмешаться и пробила ватерлинию, проходившую под Уиллз-авеню, изменив тем самым обычный курс Эрика домой и направив его мимо кафе «Мунфлауэр».

Правда оказалась гнилой занозой, гноящейся под хрупкой оболочкой их брака. Как ни старалась Мэгги скрыть ее, она в конце концов вылезла наружу, как неизбежно и случается с правдой.

И все же было больно, когда нарыв прорвался.

Мелкие обманы Эрик подмечал давно. Ложь, которую нельзя было доказать, но которая все равно оставалась ложью. Детали одной истории, противоречившие деталям другой. Где Мэгги была, с кем была, на сколько задержалась. Притворно-простодушная рассеянность. «Ничего себе, должно быть, перепутала дни... А теперь уже не могу вспомнить, где была в среду во второй половине дня». Внезапные и странные перемены в манере обращения с телефоном: защита паролем, острая потребность держать его постоянно при себе, брать в душ, перенаправление звонков на голосовую почту, когда они были вдвоем...

Трусливая увертливость:

Что-то происходит, Мэгги? Что-то, о чем мне нужно знать?

Я думала, ты счастлив со мной, Эрик.

Счастлив, но не обманываешь ли ты меня?

Это было бы нехорошо.

Так обманываешь?

Мы женаты лишь несколько лет.

Я понимаю, но была ли ты с другим мужчиной?

По-моему, ты пытаешься затеять ссору.

Ни одного прямого ответа. Только хождение по кругу.

Тему их флирта Эрик поднимал в разговорах и с Мэгги, и с Джимом. Вначале они только пожимали плечами и поднимали брови, но ближе к концу дошли до полного бесстыдства. Он предупредил, что, возможно, они и не делают «ничего такого» (их слова, не его), но его ставят в неудобное положение. Тем более когда это происходит в общественных местах и является проявлением неуважения к нему лично и институту брака. Джим и Мэгги называли его параноиком и даже предположили, что ему это «мерещится». Опровергать их обвинения было непросто.

Как-никак он сумасшедший.

Мэгги и Джим знали, что обвинять шизофреника в паранойе – это вещь столь же болезненная, сколь совет человеку с патологическим ожирением отказаться от шоколадных батончиков, когда он рвется в супермаркет ради полночного перекуса.

Они обрывали Эрика, стыдили, заставляли сомневаться в собственном здравомыслии. Прибегая к таким уловкам, они едва ли не целый год сбивали его со следа. Эрик и Мэгги состояли в браке чуть больше трех лет, и он не мог не думать о том, что почти треть их брака была притворством.

Эрик понимал, что если б хотел женщину, которая не привлекает мужские взгляды, то не женился бы на Мэгги. Возможно, его обуревали не самые приятные человеческие эмоции, но тупой ревностью он не страдал. Понимал и то, что мало кому приходится так же нелегко, как мужчине, взявшему в жены женщину, которая ему не ровня.

И все же. Было в отношениях Джима и Мэгги нечто такое, что всегда настораживало Эрика, что-то в их глазах, которые как будто теплели, когда они смотрели друг на друга.

В самом начале, когда они только поженились, интерес брата к Мэгги вызывал у него какую-то извращенную гордость. Даже в детстве Эрик и Джим были во многом противоположны. Позже, когда братья выросли, ситуация не изменилась. Эрик собирал винтажные футболки рок-групп, комиксы, малоизвестные фильмы ужасов; Джим покупал дизайнерские джинсы по 200 долларов, мужские журналы по фитнесу, боевики-блокбастеры. Так что Эрик обрадовался и даже разволновался – пусть и к собственной досаде, – когда понял, что завоевал сердце женщины, столь привлекательной в глазах всех, что она удостоилась даже похвалы его собственного брата.

Мэгги была красивой женщиной – блондинка, фигуристая, высокая, – это несомненно. Большинство мужчин, проявляющих интерес к противоположному полу, оборачивались, чтобы рассмотреть ее получше, когда она проходила мимо; но было в ней также нечто особенное, почти не выразимое словами.

Несмотря на твердую решимость позабыть бывшую жену, стереть ее из памяти стоило ему немалых трудов. В особенности лукавую улыбку: легкий наклон головы – такой легкий, что заметить его можно было, только если присматриваться, – полураскрытые губы и выглядывающие из-под них живые, с огоньком глаза. Даже теперь, когда он ненавидел ее (или, по крайней мере, пытался ненавидеть) и вспоминал ее лицо, эта улыбка вставала перед ним в первую очередь.

Желанной для Эрика Мэгги была не только из-за соблазнительной внешности, но и из-за своего отношения к шизофрении. Она не имела ничего против его психического заболевания – в отличие от большинства женщин – и принимала его темные моменты со стоической прямоотой. Есть вещи похуже безумия, говорила она ему. Любовь Мэгги Эрик приравнивал к выигрышу в брачную лотерею и часто задумывался, почему она выбрала его, когда могла с легкостью заполучить любого мужчину.

Мэгги также была умна, что помогало ей манипулировать Эриком, и вместе с тем ее ум простирался за пределы сообразительности – на территорию мудрости. Она была веселой и смешливой и могла смеяться не только над другими, но и над собой, что Эрик считал качеством очень редким. У нее был чувственный, соблазнительный голос, подлинное наслаждение для слуха, но самым неотразимым в ней был смех: глубокий и неприличный, звучащий так, будто она публично изображает исполнение сексуального акта. Именно это делало ее по-настоящему красивой. И именно это беспокоило Эрика, когда приходил вечно вынюхивающий что-то Джим.

Брат, настоящий киношный красавец, обладал особым типом юмора, который Эрик называл юмором Того самого Парня. Тем Самым Парнем он был на вечеринках – непринужденный, веселый, большой шутник. Его шутки часто граничили с запретными темами, но при этом

никого не оскорбляли, даже если и бывали немножко злы. Подростком Эрик пытался соперничать с братом, копируя его юмор, но получалось неизменно плоско и несмешно.

С Джимом Мэгги смеялась чаще и громче, чего Эрик терпеть не мог, как и ее привычки прижиматься к Джиму и похлопывать его по плечу, когда он отпускал особо забавную шутку. Наверное, Эрик обнаружил бы Измену раньше, если бы относился к таким вещам внимательнее.

Юмор Эрика отличался от понятного всем юмора Джима и Мэгги. Его IQ в 138 пунктов – уровень, близкий к гению, – отражался и в большинстве его анекдотов. Чрезвычайно умные для тех, кто их понимал, его каламбуры имели отношение к литературе, науке и поп-культуре. Его гениальность скрывалась за неуклюжестью и самоуничижением; он был зануда и ботан, которому посчастливилось родиться привлекательным: мягкие каштановые волосы и щербинка между передними зубами только добавляли мальчишеского обаяния. Так что недостаток внимания он не испытывал.

Но, конечно, до Джима ему было по этой части далеко.

Хотя Эрику нравилось преподавать геологию старшекурсникам в Уоррентоне, небольшом частном университете в Филадельфии, где также работал и Джим, он подал заявление об отставке по собственному желанию.

Джим, носитель семейных генов практичности, несколько раз думал о том, чтобы тоже уйти с должности профессора мировой экономики. Но никуда, конечно, не ушел.

Ситуацию Эрика усугубляла потеря коллег (за исключением, разумеется, Джима), многих из которых он считал семьей.

Коллеги, в свою очередь, были высокого мнения об Эрике: с ним можно было пройтись по кампусу, поболтать о музыке или узнать его мнение об ископаемых останках, найденных во время каникул. Проблема заключалась в том, что ни один из них не выразил удивления, узнав о разводе. Глядя им в глаза, Эрик видел, что они знали о шашнях Джима с его женой. Откуда? Ответа он не находил, да и не хотел искать, хотя и провел в размышлениях немало бессонных ночей. Долгий призывный взгляд, которым парочка обменялась на рождественской вечеринке? Компрометирующая ситуация в кабинете Джима, дверь в который забыла запереть Мэгги? Так или иначе, бывшие коллеги жалели Эрика – это было унижительно очевидно – и, возможно, не раз и не два пытались открыть ему глаза и рассказать об Измене.

В том факте, что жена и брат трахались у него за спиной, можно было видеть забавное клише, хотя Эрик почти не смеялся, узнав о недавней помолвке Джима и Мэгги. И уж совсем не до смеха ему стало, когда Мэгги сообщила, что беременна. Новость потрясла его до основания, поскольку на протяжении всего брака она утверждала, что вовсе не желает заводить детей. И вот теперь ему светило стать дядей ребенку собственной бывшей жены. Как мило...

Вынести такое бесчестье казалось невозможным, и задача сохранения рассудка в первые недели после обнаружения Измены сравнялась по трудности с попытками удержать обмазанную жиром свинью.

Цвета окружающего мира становились слишком яркими, звуки – слишком громкими, посторонние оказывались слишком близко. Эрик стал забывать, какой сегодня день, а иногда и месяц. Проведя немало времени наедине с шизофренией, он пришел к выводу, что действовать нужно быстро и решительно, а иначе ему грозит полная утрата контроля над разумом. После недолгих поисков Эрик нашел новую преподавательскую работу в небольшом колледже в Северной Калифорнии, в трех тысячах миль от того места в Филадельфии, о котором он позднее станет думать как о своей прошлой жизни. В плане престижа и оплаты это был большой шаг вниз, но городской колледж Перрика принял его быстро и выразил удовольствие тем, что заполучил специалиста с таким опытом.

Самое главное, там не знали о скандале, втянутым в который он оказался стараниями Мэгги и Джима.

Он получил шанс начать все заново.

С чистого листа.

Глава 3

Шефа полиции Эда Бендера Сьюзен отыскала в комнате отдыха участка, где он читал последний номер «Перрик уикли» за чашечкой черного кофе. Человек старой закалки, шеф скорее отрезал бы себе руку, чем позволил бы ей скормить несколько тяжким трудом заработанных баксов кофейному автомату за то, что вполне мог приготовить сам, потратив двадцать центов.

Чашка у Эда треснула на ручке, а нарощие слои придавали ей сходство с годовыми кольцами на мебели красного дерева. Этой чашкой шеф пользовался еще тогда, когда Сьюзен пришла в участок подростком-волонтером. Возможно, он пил из нее даже раньше, когда сам явился сюда таким же волонтером тридцать лет назад.

По жизни Эд твердо придерживался старой аксиомы насчет того, что чинить вещи нужно тогда, когда они сломались. Впрочем, Сьюзен подозревала, что шеф просто не любит перемен.

– Выглядишь не больно хорошо, – сказал Эд, оторвав взгляд от газеты, и выдвинул из-под стола стул, который толкнул в направлении подчиненной и на который Сьюзен с благодарностью опустилась.

На замечание она не обиделась – вид у нее, наверное, и впрямь оставлял желать лучшего.

– Ночь долгая. Уже солнце скоро встанет, – ответила Сьюзен, кивая на настенные часы. Заряд адреналина исчерпался, и усталость обрушилась с такой тяжестью, что она едва ворочала языком. – Там сейчас Флинн остался, у него все под контролем.

Эд тоже посмотрел на часы и кивнул. Они часто общались жестами, невысказанными намеками. Болтать попусту не любили оба, но из них двоих молчаливее все же был Эд – десятилетия работы растратили отведенный ему запас слов, и теперь до грядущей отставки осталось только молчание.

Шеф снова сел и сложил руки на газете.

– Как держишься? – В последнее время ему, возможно, уже доставало энтузиазма в борьбе с преступностью, но никто не упрекнул бы его в недостатке внимания к сотрудникам.

Сьюзен ответила бледной полуулыбкой.

– Бывало и лучше. Но пока хожу и дышу, так что не могу жаловаться. – Она ощутила на себе его заботливый взгляд. Его отеческая забота оборачивалась разными гранями, стирая иногда профессиональные границы и обеспечивая на работе как комфорт, так и разочарование.

– Оно всегда так, когда дело касается детей.

– Это да.

Сьюзен знала, на что намекает Эд, но о чем из уважения к ней не говорит прямо, – к несчастью, труп у телефонного столба был не единственным детским телом, с которым ей довелось столкнуться по службе. Вскоре после поступления в полицию ее послали в логово сквоттеров⁴ – в таком с виду благополучном городке, как Перрик, их было на удивление много – разобраться с жалобой на шум. Там-то она и наткнулась на малышку Гэби, которая была мертва уже пару дней. Мать Гэби, Дарла, впрыснула в вену крепкий коктейль каких-то химикалий и улетела так далеко, что даже не заметила, как дочка приняла за конфеты лежавшие в пакете для сэндвича пилюли сильнодействующего антидепрессанта. Позднее, протрезвев в камере и узнав о смерти Гэби, Дарла так разбушевалась, что ее едва удержали трое полицейских. До суда дело не дошло – Дарла приняла смертельную дозу спидбола⁵, которым ее снабдил сутенер и по совместительству бойфренд.

⁴ Сквоттеры – лица, занимающие под жильем пустующие помещения и пространства, не имея на них права собственности и использования.

⁵ Спидбол – так называют наркотические смеси, где сочетаются вещества с противоположным эффектом – психостиму-

Сьюзен слишком устала, чтобы вести разговоры о мертвых в духе доктора Филя. Одним из ценных качеств Эда было то, что он не вмешивался. Некоторые из более опытных ее коллег объясняли это апатией, связанной с приближающейся отставкой, но Сьюзен с ними не соглашалась, по крайней мере в том, что касалось ее должностных показателей. Она знала, что Эд доверяет ее компетенции.

– И по-прежнему никаких следов Джеральда Никола, – добавила Сьюзен, меняя тему.

Эд отхлебнул кофе.

– Ничего удивительного. На этот раз его не только посадят под замок, но и ключ от замка выбросят. Он это знает.

– С этого и надо было начинать, – сказала Сьюзен. – В смысле посадить под замок и ключ выбросить.

Эд пожал плечами: мол, что ты сделаешь?

– Подумать только, ты еще помнишь то дело... А я вот с трудом вспоминаю, что на завтрак ел.

– Помню, потому что об этом тогда в новостях говорили.

– Да, шума было много.

– Пока ждала Флинна, почитала кое-какие рапорты того времени. Этот Джеральд Никол – тот еще фрукт.

– Доказать обвинения в растлении малолетнего так и не смогли, но осудили по другим статьям.

– Да, я читала. – Сьюзен поежилась.

В 2012-м студия «Экспрешнс» в Сан-Франциско была одним из крупнейших центров дистрибуции детской порнографии в Калифорнии. Первоначально расследование координировала налоговая служба, заподозрившая владельца студии Хью Джарвиса в уклонении от уплаты. Именно во время компьютерного аудита и были обнаружены папки с фотографиями. Прежде чем Министерство внутренней безопасности успело произнести «тридцать лет тюремного заключения и 250 тысяч долларов штрафа», Джарвис успел сдать своих покупателей. Их оказалось пятьдесят девять, включая Джеральда Никола.

Доказательств физического насилия Джеральда над своими жертвами обнаружено не было – они появились позднее, после обнаружения тела ребенка, – но материалов для обвинения его в хранении детской порнографии хватало вполне. И не только в хранении, но и в распространении: он обменивал фотографии Джарвиса онлайн точно так же, как фанаты бейсбола обменивались карточками любимых игроков.

– В суде у Джеральда не было никаких шансов, – продолжал Эд. – Даже не знаю, почему они утруждали себя судом. Наверное, потому что суда заслуживает каждый. Адвоката ему дали прямо из юридической школы – парень до скамьи еще не дорос. Ненависть его к сексуальным насильникам была настолько очевидной, что он вполне мог бы нанять самолет для воздушного поздравления в день вынесения Джеральду приговора. Когда тебя ненавидит твой собственный адвокат, дело плохо.

– И вот теперь его выпустили, – хмуро заметила Сьюзен. – Места на всех не хватает.

В Калифорнии действительно не хватало мест для всех заключенных и тех, кто был осужден по ненасильственным статьям и хорошо вел себя в тюрьме, иногда выпускали досрочно. Единственное насилие, с которым Джеральд столкнулся в исправительном учреждении Миллстоун, было направлено на него со стороны других заключенных, которые если и ненавидят кого-то больше, чем доносчиков и копов, то именно насильников над детьми.

– Я позвонила его надзорному, Джуно Томисато.

Эд поднял брови.

– Мне доводилось иметь с ним дело – брюзга, да и то в хороший день. Бьюсь об заклад, ты его обрадовала звонком среди ночи.

– И даже больше того. В общем, он не удивился, что Джеральд сделал ноги. Сказал, что он скорее покончит с собой, чем вернется в тюрьму.

– Вот и хорошо. Сбережет налогоплательщикам немного денег.

В разговоре со Сьюзен Джуно Томисато сказал, что тюрьма для растлителей малолетних – сущий ад. И это мягко выражаясь. Как обычно, приговоры заключенных вроде Джеральда держат в секрете, но в тюрьме всегда всё узнают. Даже в защищенном заключении – 33-дворике, как это называют обитатели Миллстоуна – Джеральду ежедневно угрожали избиением, изнасилованием, кастрацией. У него крали пищу, его камеру обчищали начисто, его матрас и простыни обливали всевозможными жидкостями. С ним творили все, что только можно творить с человеком, все, что нормальный человек не пожелал бы даже увидеть во сне. Доказательства чинимой дикости присутствовали у него на лице: рваный шрам в форме полумесяца, след пореза бритвой вдоль скулы, от уха до подбородка. Эмблема Миллстоуна, носить которую он обречен вечно.

– Такой, как он, вечно скрываться не сможет, – сказал Эд. – Ни друзей, ни денег, ни настоящей семьи. Кстати, его мать в доме престарелых, так что у нее он прятаться не может. Рано или поздно этот мерзавец выползет из-под того камня, под которым скрывается, и мы его прижучим.

– Я, пожалуй, поговорила бы с матерью Джеральда утром.

– Ни черта ты из нее не выжмешь. Ей сейчас, наверное, лет под сто. – Эд постучал себя по голове. – У нее и мозги-то уже разжижились.

– Ей девяносто шесть, – подтвердила Сьюзен. – Ты ее знаешь?

Эд покачал головой:

– Нет, но в таком городишке, как наш, каждый о каждом что-то знает.

Сьюзен потерла глаза и моргнула, пытаясь вернуть мир в фокус. К черту сериальный марафон, к черту мороженое. Добраться до дома, и в постель.

– Ладно, я все равно хочу с ней поговорить. В любом случае не помешает, да?

Эд снова пожал плечами.

– Если думаешь, что это поможет. Только на многое не рассчитывай. – Он сделал попытку подняться. – Иди-ка ты домой. Сейчас все равно ничего уже не сделаешь. Я тоже снимусь, как только получу ответ из округа.

– Да? Они что, помощь хотят предложить?

– Пока ответ не получу, ничего не знаю. Непонятно только, чем они там, в офисе шерифа, заняты в такое время, что перезвонить не могут.

– Мне завернуть к ним по пути домой? Узнать, из-за чего задержка?

– Ты в зомби сейчас превратишься. Посмотри на себя в зеркало – глаза уже не голубые, а красные. Так или иначе, скоро ответят. – Он потряс газетой. – А я пока почитаю. Все, отправляйся домой и выпипись.

Повторять не пришлось. Она отправилась домой и легла спать.

Глава 4

Эрик слышал где-то, что потерять все – это пережить катарсис. Теперь он все больше укреплялся в мысли, что так, скорее всего, говорят люди, которые на самом деле все потеряли и говорили себе это, чтобы вылезать каждое утро из постели и чувствовать себя чуть менее умирающими.

Утрата всего – не только жены, дома, брата, самоуважения и престижной преподавательской должности, но и вещей – не принесла ощущения свободы. Скорее, он чувствовал себя полным неудачником. С ящиками из-под молока, заполненными пластинками, и мешками для мусора, набитыми одеждой, Эрик как будто перенесся в прошлое, где был скорее студентом колледжа, как в двадцать, чем уважаемым профессором, как теперь. Одеваясь по утрам в темноте, он словно выворачивал себя наизнанку.

Милая хозяйка снятой в Перрике квартиры, встретив Эрика на подъездной дорожке, окинула взглядом его джип, присвистнула и сказала:

– Ну и ну, ты и впрямь путешествуешь налегке.

Эрик смутился – то, что увидела Дорис Кирш, не было просто багажом. Это был весь его скарб, все, что осталось от прошлой жизни.

Раздел по справедливости (чего Мэгги, откровенно говоря, не заслужила) был идеей Эрика. К концу развода он так вымотался, что сказал ей забрать себе все, что останется после него. Еще он сказал, что не желает спорить и что она, если хочет, может чиркнуть спичкой, предать все огню и станцевать в свете пламени – ему на это сто раз начхать. Он хочет одного: двинуться дальше по жизни и обо всем забыть.

Забыть, что он ее знал.

Движимая чувством вины, Мэгги (насчет мотива вопросов быть не может) попыталась уговорить бывшего мужа забрать то, что принадлежало ему по праву. Или, по крайней мере, поделить все пополам.

Ради приличия.

Эрик не стал и слушать – не только потому, что они уже вышли за рамки приличий (это случилось в кафе «Мунфлауэр», когда его кулак столкнулся с лицом Джима), но также и потому, что сама мысль встретиться с Мэгги для обсуждения вопроса о праве на тот или иной прибор или вкладе каждого из них в покупку софы показалась ему ужасной.

Он не хотел верить, но допускал возможность, что Мэгги, в случае его согласия с ее предложением, будет чувствовать себя менее виноватой и посчитает, что искупит вину за супружескую измену кухонной посудой, лампами, ковриками, книгами, велосипедом и прочей ерундой.

Этого – чтобы с ним обращались как с участником какого-нибудь дебильного игрового шоу, в котором противно улыбающийся и похожий на Джима ведущий отправлялся в постель с его бывшей женой в обмен на весь вот этот почти новый хлам, работу с понижением в зарплате и препаршивую жизнь в солнечной Калифорнии! – Эрик допустить не мог. Даже представить, что Мэгги преисполнится великодушием, сочтя щедростью акт возвращения Эрику его собственной собственности... Нет! Вот черта вам лысого!

По справедливости, если уж вдаваться в детали, большая часть собственности действительно принадлежала ему. Конечно, с преподавательской зарплатой богачом считаться трудно, но все равно он получал намного больше, чем Мэгги зарабатывала как художница. Купленные ею вещи в их симпатичном (ей нравилось это слово, *симпатичный*) домике с двумя спальнями составляли меньшинство. Так что если кто и имел право на медаль за великодушие, то это, конечно, Эрик.

Меньше вещей – меньше возни с ними. Обстоятельство это оказалось весьма кстати, поскольку снятый им дом сдавался с мебелью. Вот только с какой мебелью...

Стиль оформления коттеджа Дорис был крайне дик, его можно было бы описать как «викторианский дом терпимости в сочетании с тропическим рыбацким домиком и примесью текс-мекс с точки зрения гринго⁶»: на полках стояли снежные шары, засушенная морская звезда и деревянные лобстеры, бронзовые держатели для книг, в кухне на стенах красовались лакированные сомбреро, лампы под абажурами с золотой каймой соседствовали с черными кружевными подушечками, а крышку стульчака покрывал фиолетовый с блестками чехол.

В целом прогулка по домику производила впечатление наркотического трипа, в котором что-то пошло очень-очень не так.

Большую часть утра Эрик занимался тем, что избавлялся от хлама. Что, в недоумении спрашивал он себя, заставляет пожилых людей заполнять каждый дюйм свободного пространства безделушками, как будто каждая добавленная мелочь увеличивает жизнь на еще один год? К моменту окончания уборки Эрик собрал шесть ящиков разного хлама для отправки на хранение в гараж. Оставалось только подумать, как объяснить потом Дорис голые полки и стены коттеджа.

По возвращении из гаража Эрик хлопнулся на софу и положил ноги на подлокотник. Он знал, как опасна праздность, потому что уже ощущал наползающую, как тень вампира, депрессию. Прошлый опыт подсказывал, что лучшее средство борьбы с этим чувством – движение, что страдание – ракушка, которая не прилепится к нему, если не сидеть слишком долго.

И все-таки двигаться не хотелось.

Спустя какое-то время Эрик ощутил безмолвие, такое плотное, с которым не сталкивался никогда в жизни, безмолвие столь глубокое, что у него зазвенело в ушах. После обнаружения Измены ему пришлось решать множество разных задач, связанных с новой работой и переездом на другое побережье через всю страну, и лишь теперь он понял, что именно эта занятость решением мелких проблем, возможно, не позволила ему полностью развалиться. Теперь, когда он обосновался на новом месте и уже собирался начать новую жизнь, перед ним впервые за последние недели встал вопрос: «И что же мне делать?»

Круг его знакомых в Филли⁷ был невелик и существенно уменьшился с потерей двух так называемых лучших друзей: соблазнителя и похитителя жен

(говнюка)

брата Джима и прекрасной изменницы

(суки)

бывшей жены Мэгги.

Эрик не был антисоциальным типом – ему нравилось общаться. Но иногда, особенно в те беспокойные недели непосредственно после обнаружения Измены, разговоры ни о чем опустошали, высасывали силы, тем более что в его собственной голове уже звучали голоса невидимых друзей.

В последние дни в Филли Эрик часто уходил в себя, избегая контактов с приятелями и коллегами отчасти и потому, что не хотел повторять ужасные подробности расставания с Мэгги и распространяться о своих внезапных планах перебраться в Калифорнию.

Хотя большинство самых близких, будучи людьми вполне приличными, не совали нос в его личные дела, поскольку всем было ясно, что он не желает их обсуждать, Эрика угнетало уже то, что они знают и воздерживаются от обсуждения темы. В некотором смысле их молчание было почти хуже.

⁶ Гринго – в Мексике прозвище неиспаноговорящих (прежде всего англоязычных) иностранцев; текс-мекс – смесь мексиканской культуры и культуры примыкающих к Мексике штатов США («текс» – от оригинального названия штата Техас – Тексас).

⁷ Филли – прозвище Филадельфии.

Самое забавное заключалось в том, что теперь, на западе, все складывалось хорошо. Хорошо в том смысле, что ему удалось протянуть целый день без сопливых сожалений, а голоса в голове притихли до невнятного бормотанья – разговаривать здесь ему было не с кем.

Эрик переменял позу, так что теперь полусидел, хотя настроение от этого не только не улучшилось, но стремительно ухудшалось.

Планируя переезд, он сознавал, конечно, что не знает в Калифорнии ни одной живой души. Но лишь сейчас, на месте, реальность предстала перед ним во всей полноте. У него не было друзей в Перрике. Ни единого. Не было даже знакомых. Его домовладелица, и та жила в каком-то неведомом Себастополе. Из этого следовало, что, когда он выйдет, никто в городе не узнает его в лицо. Ни бариста в кофешопе. Ни служащий на заправке. Ни кассир в местном универсаме, ни продавец в магазине грампластинок, который мог бы отложить диск на его вкус.

Если он умрет по какой-то причине (передоз, повесится, перережет вены, спрыгнет с крыши, угорит, сунув голову в духовку, от удара током из-за упавшего в пенную ванну тостера, выстрелит себе в висок), то его тело пролежит, возможно, несколько недель, прежде чем его обнаружат.

В жизни Эрика случалось немало моментов вот такого, острого, удушающего одиночества, но его нынешнее состояние определенно менялось в худшую сторону. «Я отдал бы почти все что угодно, только за то, чтобы вернуться к той жизни, которая была три года назад, – неожиданно для себя подумал он. – Да, я бы с радостью пожертвовал пятью годами будущего за один год прошлого».

Он снова растянулся на софе и закрыл глаза.

Мысли, как бывало обычно в состоянии расслабленности, устремились к неудачному браку. С одной стороны, хорошо хотя бы то, что они не завели собаку. Мэтт, его коллега в Филадельфии, и Дайана, бывшая жена Мэтта, обзавелись английским бульдогом по кличке Нарцисс. (Никакой измены в их браке не случилось, просто чувства остыли, и двое, полюбившие друг друга еще в школе и женившиеся слишком рано, повзрослели и обнаружили, что чем дальше, тем больше находят один в другом неприятных и отвратительных черт и привычек.) Эрик вспомнил, как Мэтт ворвался однажды в его офис после телефонного разговора с Дайаной. Самое интересное, что Эрик и не знал Мэтта как следует, но, черт возьми, иногда бывает так, что мужчине нужно выговориться, облегчить душу – пусть даже первому встречному.

– Я сказал ей, – объявил он с мрачной усмешкой, соединившей печаль и угрозу, – забирай дом, забирай машину, забирай лодку, забирай все мои сбережения, до последнего цента. Но если ты только попробуешь взять Нарцисса, я тебя убью.

Мэтт сказал это как бы в шутку, но Эрик до сих пор спрашивал себя, не было ли в его угрозе доли правды.

В конце концов оказалось, что это не имеет значения. Вскоре после того разговора Нарцисс умер от удушья, подавившись косточкой из остатков жареной курицы, которую стащил из соседского гаража. А через пару недель после этого машина Мэтта с пристегнутым за рулем владельцем свернула с дороги и упала в реку. Смерть в результате несчастного случая, так решила полиция, но каждый раз, вспоминая жутковатую усмешку коллеги, Эрик задавался вопросом, удержалась бы машина на дороге, если б Нарцисс не полез в ту мусорную корзину.

– Что ж, не будем заикливаться на прошлом, – сказал Эрик, обращаясь к комнате, и решительно хлопнул себя по коленям. Когда-то придется отсюда вылезать. А значит, можно прямо сейчас. Он взял с кофейного столика составленный ранее список покупок и направился к гаражу.

Уже выехав на улицу, Эрик обратил внимание на то, какой чудесный день эта суббота. Просто безобразие тратить ее на стояние в очередях. Проведя недолгие изыскания в интернете, он пришел к выводу, что наилучший вариант использования свободного времени – провести день на пляже.

Глава 5

Заехав на стоянку, Сьюзен тяжело вздохнула и скорчила физиономию. Дом престарелых «Изумрудные лужайки» выглядел ничем не лучше любого другого заведения такого же профиля, существующего за счет бюджета штата. Снаружи это незамысловатое одноэтажное здание походило на тюрьму, молчаливое напоминание потенциальным беглецам, брошенным родными и близкими и никому уже не нужным, что поднимать шум бесполезно. Что они останутся здесь независимо от того, нравится им в «Изумрудных лужайках» или нет.

Сьюзен проглотила кофе, оставшийся в здоровенной металлической кружке и остывший до температуры осеннего воздуха. Раннее утро – не самое подходящее время для столь невеселого задания. Засунув в рот последний кусочек клюквенной булки, она тут же подавилась сладкой пудрой и пожалела, что допила кофе, – теперь запить было нечем. Двумя пальцами, большим и указательным, она собрала крошки с рубашки, аккуратно сложила салфетку, в которую была завернута булка, придавила бумажный квадратик и выстрелила им в окно. После чего потянулась к дверце, но в последний момент взяла телефон.

После двух гудков ей ответил жизнерадостный голос:

– Медэксперт Сальвадор Мартинес.

– Привет, Сэл, это Сьюзен Марлан из полиции Перрика.

На другом конце ухмыльнулись:

– Кого я слышу! Как дела? Кому надрала задницу?

Сьюзен хмыкнула под нос. Даже в самые тяжелые дни Сальвадор Мартинес умел поднимать ей настроение не хуже разрекламированного прозака⁸.

– Дела идут.

– Слышал, ты какого-то торчка согнала с крыши.

Сьюзен нахмурилась.

– Это от кого ж ты такое слышал?

– Угадай.

– От Маркуса.

– Дзинь! Выдайте девушке приз. Поверить не могу, что такой трепач так долго держал меня в неведении... А история замечательная.

– Ох уж этот Маркус... Болтун тот еще, но парень хороший.

– Верно, – согласился Сальвадор. – Маркус сказал, ты была сильно не в духе, но не потому, что едва не сломала лодыжку, гоняясь за тем типом.

Сьюзен знала, что будет дальше. Последние две недели в участке только и обсуждали тот арест.

– По его словам, ты надела на парня браслеты и, запыхавшись, крикнула: «Спасибо, мудака! Моя кофейня уже закрылась!» Все верно?

– Не совсем, – поправила Сьюзен. – Я, кажется, назвала его говнюком.

Сэл расхохотался так, словно ничего смешнее в жизни не слышал.

– Ты, должно быть, и впрямь любишь кексы в «Дилейни».

– Есть такое дело. Я в тот день как раз хотела взять парочку с двойной помадкой, но потом нарисовался этот придурок, и пришлось гнаться за ним.

– И как только тебе удастся оставаться такой худышкой? Если б я съедал столько, сколько ты, носил бы брюхо размером с Техас. Погоди-ка... О, да я уже ношу!

⁸ Прозак – одно из торговых названий антидепрессанта-психостимулятора флуоксетина.

Сэл рассмеялся, и Сьюзен присоединилась к нему. Лишние несколько фунтов – а Сэл и в худые дни тянул на триста – наверняка только добавили бы ему жизнерадостности, как Санта-Клаусу. Если бы Санта зарабатывал на жизнь тем, что резал трупы.

– Должно быть, все дело в этих торчках, за которыми ты гоняешься.

– Тише. Не хочу, чтобы кто-нибудь попытался оказать мне услугу, – пошутила она.

– Держу рот на замке. Так что я могу для тебя сделать?

– Вопрос насчет тела. Того, что мы с парнями из «Ар-энд-Джи» нашли прошлым вечером. – Произнести такие слова, как *ребенок* или *детское*, ей не хватило духу.

– А, Мальчонка в комбинезоне, – сказал Сэл. – Это мы здесь так его называем. Установить личность пока не получилось. Ни отпечатков, ни зубной карты не нашли.

– О'кей. Труп старый. Да, конечно, это само собой понятно. Но как насчет времени, когда его могли убить?

– Если судить по одежде и состоянию останков, где-то в шестидесятых.

– Странно...

– Вообще-то нет. Джеральд был тогда подростком, но вполне мог похитить и убить ребенка. Некоторые педофилы начинают рано, как ты прекрасно и без меня знаешь.

– Ты уверен насчет шестидесятых?

Если Сэл и обиделся из-за ее недоверия к его прогнозам, то внешне никак это не выразил.

– Точную, до дня, дату я, как ты понимаешь, назвать не могу, но умер мальчонка где-то в шестидесятые. А что? Думаешь, он как-то связан с другим преступлением в какое-то другое время?

– Дело не в этом. Я сама была там, когда его нашли. Он лежал на глубине не больше двух-трех футов, рядом с телефонным столбом. Я проверила: столб поменяли в две тысячи двенадцатом, потому что старый сгнил, а значит...

– ...тело переместили в последние несколько лет, а иначе его нашли бы, когда меняли столб.

– Точно. Возраст останков, о которых ты говоришь, несколько десятков лет... – Сьюзен помолчала. – И вот что еще. Парни из «Ар-энд-Джи» нарушили верхний слой, поэтому на сто процентов не уверены, но двое из них клянутся, что земля возле захоронения была недавно вскрыта.

– Странно, – задумчиво произнес Сэл. – Хотя, возможно, все объяснимо, учитывая состояние тела.

– Что ты имеешь в виду?

– Разложение тканей очень сильное, но не такое сильное, как можно было бы ожидать, принимая во внимание возраст останков. Весьма вероятно, что их хранили где-то еще, а потом перенесли. Это предположение, пожалуй, самое логичное.

– О'кей. Если все действительно так, как сказали парни из «Ар-энд-Джи», то получается, что Джеральд, едва выйдя из тюрьмы, выкапывает тело жертвы и затем снова закапывает его на краю своего участка? Разве он не понимал, что это увеличивает риск попасться?

– Может, он хочет попасться, – предположил Сэл. – Может, это крик о помощи? Ну, что-то вроде «я не могу остановиться и, похоже, никогда не смогу».

– Не думаю, что он способен на такое благородство, – сухо ответила Сьюзен. – К тому же если он так сильно хочет попасться, то почему тогда исчез?

– Хмм, это ты верно подметила. Но, думаю, нам надо исходить из предположения, что он ведет себя не так, как нормальный человек. Он – псих, но не все психи такие безумные гении, как Тед Банди⁹.

⁹ Теодор Роберт Банди (1946–1989) – один из самых известных серийных убийц, известный под прозвищами Нейлоновый Душител и Обаятельный Маньяк.

Сьюзен хмыкнула:

– Тут ты прав.

– Может, он просто старый идиот, – продолжал Сэл. – Я в последнее время много читаю о настоящих преступниках – знаешь, в морге не совсем уж полная безнадега, как ты могла бы подумать, – и приходится только удивляться, насколько глупы некоторые из них. Насколько небрежны и беспечны. Они годами уходят от ответственности за убийство, но потом совершают какую-нибудь тупейшую ошибку, которая ведет к их поимке. Например, паркуют машину с трупом в багажнике в неподобающем месте, а полиция ее забирает. Или затапливают соседей, пытаясь выкопать домашний бассейн на заднем дворе, а присланный водопроводчик находит на участке кучу скелетов.

– Про случай с бассейном я, кажется, что-то слышала... В Нэшвилле, да?

– Неподалеку, в Мемфисе. Как раз вчера прочитал про парня по имени Рик Мотт, который убил собственную мать и уже на следующий день отдал подружке материнский кулон. Дешевую поделку из золота в виде листочка, которую знал весь город. Там еще крошечную капелюшку крови на застежке нашли. О чем он думал?

– Да, это уж совсем глупо, – согласилась Сьюзен.

За годы службы она тоже повидала немало преступников-идиотов. Воров с неестественно выпирающими животами, пытавшихся вынести электронику под свитерами. Варщика мета с обожженным лицом – этот придурок закурил, находясь рядом с легковоспламеняющимися веществами. Был на ее памяти один гений, который совершил наезд на молочной ферме. Пьяный в доску, он свернул с дороги, пробил ворота и зацепил коровенку. Уходя с места преступления, этот олух допустил критическую ошибку, не заметив, что на протараненных воротах осталась табличка с регистрационным номером.

– Я тут слышал кое-что интересненькое от одного техника. Живет в здешних краях подольше любого из нас, так что городские секреты знает немало.

– Да? Что-нибудь пикантное?

Сьюзен не имела привычки принимать на веру городские сплетни, тем более что и сама не раз становилась мишенью возмутительных спекуляций.

Ясное дело, она слыла лесбиянкой. В таком маленьком городке, как Перрик, незамужняя женщина за тридцать никем иным не могла и быть. Правда, ни в каких романтических отношениях она не состояла, а до тридцати оставался еще целый год, так что всем требованиям она не отвечала, но бывают же исключения. Принадлежность к полиции ничего в этом отношении не меняла. С другой стороны, ей приписывали роман с женатым мужчиной. Вот это было правдой, хотя и случилось много лет назад, когда Сьюзен была юной и наивной и поверила в ту ложь, которой потчевал ее городской красавчик: скоро-скоро он покончит с опостылевшим браком, уйдет от хищницы-жены, которая никогда его не любила (они уже живут раздельно и практически разведены); ему нужно лишь еще немного времени, чтобы разобраться с финансами. В конце концов Сьюзен поумнела, устала ждать и поняла, что ее водят за нос. С ее стороны то был правильный шаг: прошло почти восемь лет, а Пол все еще состоял в браке с той же женщиной.

– В городе поговаривают, – сказал Сэл, – что папаша Джеральда, Уэйн, засматривался на детишек.

– Надо бы проверить, нет ли в полицейском архиве рапортов на этот счет.

– В таком городке? В шестидесятые? Я бы не рассчитывал.

– А ты не думаешь, что этот Уэйн мог помочь Джеральду убить Мальчонку в комбине-зоне? Или вопрос стоит поставить иначе: не с подачи ли Уэйна Джеральд и начал?

– По правде говоря, не знаю. Никаких свидетельств в подтверждение или опровержение этой теории уже не найти. И, поверь мне, ты не первая, кто поднимает эту тему. Хотя выглядит логично, учитывая, кем стал Джеральд.

Да, мысленно согласилась Сьюзен, поевшись.

Подняв с сиденья папку с делом Джеральда Никола, она еще раз внимательно изучила фотографию. На карточке он выглядел классической карикатурой на педофила: густой зачес набок, скрывающий лысину, очки с толстыми стеклами, глаза хорька. Интересно, как выглядел Уэйн? Может быть, какие-то нездоровые черты передавались в семье из поколения в поколение?

* * *

Внутри «Изумрудные лужайки» выглядели не лучше, чем снаружи: сырость, тошнотворный запах чистящих средств и использованных подгузников. Голубоватое флуоресцентное мерцание высвечивало пустые пространства, делало заметнее трещины на стенах и коже, выявляло болезненные дефекты там, где их не было прежде.

Едва переступив порог фойе, Сьюзен почувствовала себя так, словно мгновенно постарела лет на пятьдесят. Дежурившая на входе скучающего вида девица равнодушно взглянула на предъявленный жетон и не проявила к посетительнице ни малейшего интереса, словно визиты полиции были здесь явлением заурядным. Впрочем, подумала Сьюзен, возможно, так оно и было.

Дежурная подняла трубку желтого стационарного телефона и, не спуская взгляда с работающего в беззвучном режиме телевизора, привычно набрала номер. Сьюзен вытянула шею над стойкой – что же там такого интересного? – и с недоумением обнаружила на экране пробирающуюся сквозь дрожащую пелену помех рекламу виниловой облицовки. Сьюзен подождала, пока девушка быстро пробормотала что-то в трубку, а затем повесила трубку.

– Грейси вас отведет. – Девушка оторвала взгляд от телевизора ровно на столько, чтобы бросить его на Сьюзен. – В смысле, медсестра Хогуйн, – поправилась она, фыркнув, как будто использование официальных названий должностей было чем-то противоестественным. – Можете присесть, если хотите.

Сьюзен посмотрела на потертый клетчатый диван у нее за спиной, представила, сколько мочи и еще бог знает чего было поглощено комковатыми подушками за все годы.

– Я подожду здесь, – сказала она, направляясь к краю длинного коридора.

Девица за стойкой пожалала плечами и, сторбившись, начала рыться в недрах своего стола. Наконец вытащила компактное зеркальце и принялась выдавливать внушительных размеров белый угорь на подбородке. Промокнув гной скомканной салфеткой из фастфуда, она нанесла на губы и растерла каплю розового блеска – и вернулась к рекламному ролику. Сьюзен сосредоточила свое внимание на картине с лилиями над диваном, определенно продукте массового производства. «Если придется выбирать, умереть ли в одиночестве или оказаться в таком месте, я выберу смерть».

– Здравствуйте? Вы со мной? – Женщина, стоящая не более чем в трех футах от Сьюзен, помахала рукой.

Сьюзен вздрогнула.

– О, здравствуйте. Вы, должно быть... – Фамилия вылетела из головы.

– Я уж думала, что потеряла вас. – Женщина тепло улыбнулась. Она была средних лет, с темными пышными волосами, поседевшими на висках.

В ней было что-то материнское, ее фигура относилась к тому типу, который тактичные люди иногда описывают как «приятно округлая». Она протянула Сьюзен руку для рукопожатия.

– Я медсестра Хогуйн. Некоторые наши постояльцы называют меня сестрой Грейси. Как вам больше нравится.

– Извините, я, должно быть, отключилась на секунду, – сказала Сьюзен, подумав: «Будь у нее оружие, я была бы мертва, прежде чем поняла, что меня убили».

Она сглотнула, во рту пересохло... «И моей последней едой была бы эта дерьмовая булочка».

– Такое уж это место. Как правило, именно так на людей и влияет, – прошептала женщина с наигранным весельем, подняв брови.

«Я знаю, что это ужасное место, и ты знаешь, что это ужасное место, но давай оставим это между нами, ладно?»

– Должно быть, из-за освещения.

– Чем могу вам помочь?

Сьюзен еще раз показала жетон и объяснила, что пришла поговорить с Мэри Никол.

Сестра Грейси скрестила руки на груди в защитном жесте.

– С Мэри? А в чем дело?

– Боюсь, не могу вам сказать, – извинилась Сьюзен, надеясь, что ей не придется менять тон. Ей не нравилось, когда люди вынуждали ее к этому.

– Да, наверное, не можете.

– Как долго вы здесь работаете? – спросила Сьюзен, пока они шли по коридору.

– О, почти двадцать лет. Примерно столько же, сколько находится здесь Мэри. Приятная дама.

Они остановились в комнате для занятий, и медсестра строгим шепотом отдала какое-то короткое указание бездельничающей подчиненной. Несколько обитателей заведения бродили по комнате, едва волоча ноги, но большинство сидели в потрепанных шезлонгах; обвисшая плоть собиралась вокруг них, как ореол, комковатая овсянка в человеческой плоти. Как и в приемной, центральное место занимал телевизор, внушительный бог «Сони», взиравший на своих верных последователей. На экране шло кулинарное шоу; включенный на максимум звук напоминал гул реактивного двигателя. Мужчины жадно облизывали губы, в то время как женщины, большинство в домашних халатах, без особого энтузиазма ворковали над рецептом креветок, приготовить которых они не собирались и не могли собираться. В углу комнаты два типа сидели за дешевой шахматной доской, купить которую можно в магазине «1000 мелочей» примерно за девяносто девять центов. Сама игра ни одного, ни другого, похоже, не интересовала, так как их взгляды были прикованы к пышногрудой поварихе, склонившейся над раковиной, чтобы слить воду с приготовленной пасты «волосы ангела». Шоу прервалось на рекламу, и мужчины снова обратились к доске. Сьюзен заметила, что шахматный набор неполный, и недостающие фигуры заменены монетами.

Эти грязные гроши произвели на нее самое гнетущее впечатление: двум старикам, общий возраст которых явно превышал 160 лет, было отказано даже в такой ерунде, как полноценный шахматный набор, пусть и дешевый.

В груди как будто лопнул пузырь боли, покрывая внутренности отвратительным осадком отвращения. «Как вы можете терпеть такое? – едва не выпалила она. – День за днем?»

Вместо этого Сьюзен спросила:

– Вы хорошо знаете Мэри?

– Конечно, она одна из наших самых давних постояльцев. Единственный, кто пробыл здесь дольше, это Джек, и ему сто один год. Деменция, – сказала медсестра Грейси, когда они продолжили свой путь по коридору. – К этому привыкаешь, – добавила она чопорно, словно в ответ на невысказанное неодобрение Сьюзен. – Есть заведения намного хуже этого, поверьте мне. Там такое случается, что волосы встают дыбом – небрежение, воровство, жестокое обращение... Но я здесь присматриваю за своим персоналом, слежу, чтобы все было честно. Мне хочется думать, что благодаря мне старики тут живут лучше. Некоторых из них просто бросают, как собак в приюте, и я говорю об их собственных семьях.

– Как насчет Мэри? У нее бывает много посетителей? – Сьюзен хотела было вытащить блокнот и уже потянулась за ним, но в последний момент передумала. Лучше держаться дружелюбно, неофициально. Люди, как правило, замолкают, как только видят, что каждое произнесенное ими слово фиксируется. Или же, наоборот, чувствуют потребность расцветить и приукрасить свою историю.

Сестра Грейси покачала головой.

– У нее не так уж много родственников. Никчемный сын ни разу не удосужился ее навестить – это точно. В смысле, до того, как он попал в тюрьму... – Грейси покраснела. – Пожалуйста, никому не говорите, что я это сказала. Не люблю поощрять скандалы.

Сьюзен всплеснула руками и покачала головой.

– А как потом?

Сестра непонимающе посмотрела на Сьюзен:

– Потом?

– Джеральд заходил после того, как вышел из тюрьмы?

Сестра Грейси нахмурилась.

– Я даже не знала, что он вышел. И не думаю, что Мэри знает.

Сьюзен поверила ей. Шок трудно сыграть, и, кроме того, у сестры Грейси не было бы причин лгать.

– Его только что освободили. Чуть больше недели назад. Условно-досрочно.

– Должно быть, намного раньше, чем ему полагалось... Мэри говорила, что осталось еще лет семь или восемь. – Цвет лица сестры Грейси немного поблек, уголки губ поползли вниз – похоже, одно упоминание имени Джеральда Никола вызывало у людей отвращение. Как если бы кто-то испортил воздух в переполненном лифте.

– Она, э-э, в здравом уме? – деликатно спросила Сьюзен, избегая более жесткой формулировки Эда.

– Мэри? Да она соображает лучше многих из нас. Физически она в плохом состоянии. Бедняжка едва может двигаться. Но она сильная, никогда не жалуется. – В голосе сестры Грейси звучало восхищение.

Они свернули в другой коридор, более длинный и совершенно пустой, с одинаково неприметными дверьми до самого конца.

– Жилые помещения, – сказала сестра, и Сьюзен невольно вспомнила классическую сцену из фильма ужасов, где несчастная жертва убегает от монстра, но никуда не попадает – коридор тянется и тянется перед ним или перед ней, как ириска...

– Вот мы и пришли. – К удивлению Сьюзен, сестра Грейси постучала костяшками пальцев в закрытую дверь и сразу же вошла. Они вполне могли бы застать бедную женщину не совсем одетой, и после такого предупреждения та не успела бы завершить туалет. Эта деталь, как и неполный набор шахмат, лишь подтвердила, что приватность и личное достоинство не считаются в «Изумрудных лужайках» чем-то заслуживающим уважения. Наверное, здесь полагали, что люди за семьдесят уже никогда не бывают голыми.

Мэри сидела на диване и, к счастью, была одета, хотя и напоминала скелет, завернутый в шерстяное одеяло. Она ничем не занималась, только смотрела в пространство; корзинка с пряжей и вязальными спицами валялась слева от нее. Сестра Грейси объяснила, что у офицера Марлан есть к ней несколько вопросов, и на изможденном лице Мэри появилась спокойная улыбка, как будто она ожидала их.

Едва сестра вышла за дверь, как Мэри повернулась к Сьюзен:

– Он умер?

Глава 6

В первый момент Сьюзен даже смутилась. Может быть, сестра Грейси ошибалась и у Мэри на самом деле не все в порядке с головой.

– Я не совсем вас понимаю, миссис Никол.

– Зови меня Мэри. – Голос у нее был старческий, дрожащий, но признаков слабоумия она не выказывала, а глаза смотрели внимательно и цепко. – Есть только две причины, по которым ты можешь быть здесь: Джеральд или сбежал, или умер, – сказала она, жестом предлагая Сьюзен сесть.

Сразу к делу, подумала Сьюзен и быстро уточнила:

– Нет, нет. Он не умер.

– Значит, сбежал.

– То есть вы от сына никаких известий не получали?

– Зачем бы мне тогда спрашивать, не умер ли он? – сухим, трескучим голосом ответила Мэри.

Сьюзен почувствовала, как краска прилила к ее щекам. Хороший довод, хотя Мэри могла и притворяться, что ничего не знает. Впрочем, Сьюзен так не думала.

– Вы правы. Джеральда выпустили из тюрьмы около недели назад. Вы, очевидно, были не в курсе.

Мэри поджала губы.

– Нет, не в курсе.

– Я так понимаю, вы двое не очень близки?

– А я так понимаю, ты знаешь, за что его посадили.

– Знаю.

Мэри глубоко вздохнула, а когда выдохнула, как будто потеряла вместе с воздухом несколько фунтов.

– Но, что бы ни сделал, он навсегда останется моим сыном.

Нечто в этом роде Сьюзен слышала много-много раз и каждый раз возмущалась про себя. Возможно, если бы большинство матерей почаще спрашивали со своих отпрысков за их проделки, а не становились слепо на их сторону, как это делала Мэри, в мире было бы намного меньше мужчин, избивающих своих жен, и насильников.

– Под «что бы он ни сделал» вы имеете в виду насилие над невинными детьми?

Мэри, конечно, сказать по этому поводу было нечего.

– Вы зачем здесь, офицер?

Сьюзен молча одернула себя. В ее обязанности не входило выносить суждения – по крайней мере, вслух. Свое мнение лучше оставить при себе, а то ведь и от Мэри помощи не дождешься.

– Я насчет тех обвинений, что предъявлялись Джеральду.

Мэри подалась вперед, и лицо ее приняло настороженное выражение.

– Продолжайте.

– Во-первых, я хотела бы уточнить: ваш сын является теперь владельцем вашей фермы, это так?

Мэри кивнула:

– Я, как только стала слабеть, переписала ферму на него. Учитывая, как работает система, правительство забрало бы у меня все для оплаты моих медицинских счетов.

– Понимаю. Возможно ли, что Джеральд мог... заниматься тем, чем занимался, дольше, чем мы предполагали? – Обычно Сьюзен не пряталась за словами и изъяснялась точнее, но сам этот разговор со старухой о ее сыне, насильнике и растлителе малолетних, был неприятен

и даже противен. При всей своей замкнутости и отстраненности, Мэри Никол казалась слишком милой, чтобы иметь какие-либо отношения с тем чудовищем, каким был Джеральд Никол. Хотя, конечно, какие-то отношения они поддерживали. Притворяться – это у людей отлично получается.

– Дорогая, все пойдет намного быстрее, если ты просто скажешь мне, в чем дело, – сказала Мэри. – Времени у меня много, спешить некуда – посетители бывают нечасто, – но, держу пари, у тебя-то есть дела поважнее, чем трепаться здесь со мной весь день.

Сьюзен и в самом деле не терпелось убраться к чертям из этого жутковатого места, но она отработала всего лишь полсмены. План ее состоял в том, чтобы отправиться после «Изумрудных лужаек» домой, надеть пижаму и никуда не вылезать следующие три с половиной дня. Может быть – *может быть*, – заняться кое-какой бумажной работой. Так много выходных подряд выпадало ей редко, и она собиралась насладиться ими в полной мере – не напрягаясь.

– Мы нашли тело на краю участка вашего сына, – начала Сьюзен. – Тело маленького мальчика.

Мэри подняла брови.

– Вот как?

Сьюзен ожидала, что старуха скажет что-то еще, но та промолчала.

– Похоже, он умер... (*был убит вашим никчемным сыном*) много лет назад, возможно, в 1960-х годах. Джеральд был тогда всего лишь подростком, но, учитывая характер преступлений, которые, мы уже знаем, он совершил...

У Мэри задрожал подбородок. И все же она продолжала молчать.

Хотя... что она могла сказать? Конечно, ни в одном из существующих руководств по воспитанию детей нет раздела, в котором объяснялось бы, как вести себя матери в случае полицейского расследования, касающегося ее отпрыска-педофила. Будет ли Мэри по-прежнему решительно становиться на сторону сына, когда узнает, что, помимо пристрастия к детской порнографии, он еще и убийца маленького мальчика?

– Знаешь, тебе повезло. – Мэри произнесла это так тихо, что Сьюзен даже засомневалась, а действительно ли она что-то услышала.

– Извините?

– Сейчас у женщин есть выбор. Они *независимы*. – Мэри задумчиво закрыла глаза. – Но так было далеко не всегда.

Сьюзен открыла и закрыла рот. Мэри хотела сказать что-то еще, и останавливать ее, заполняя тишину банальностями, было бы неправильно.

– За Уэйна – отца Джеральда – я вышла замуж молодой. Мне было чуть меньше семнадцати, но вот так мы тогда и поступали. Я росла в бедной семье, а у родителей Уэйна деньги водились. Ты сейчас не поверишь, но я была очень красивой девушкой, и... – Она пожала костлявыми плечами. – Это был выход.

Сьюзен кивнула, хотя внутри у нее все зудело от нетерпения. Что такого важного в истории Мэри? Стоит ли ее слушать? Она сомневалась, но что-то подсказывало – к чему-то это приведет, а значит, нужно просто заткнуться на этот раз и послушать.

– Я никогда не была *влюблена* в Уэйна – по правде говоря, он был ужасным, ужасным человеком. Но он подарил мне ребенка, так что, думаю, какая-то часть меня любила его за это.

– У вас ведь не было других детей, – уточнила Сьюзен.

Мэри продолжала, как будто ничего не слышала, как будто Сьюзен и не сказала ничего.

– Я знала, что Уэйн делал с Джеральдом. Боже, помоги мне, я знала, но столько лет предпочитала закрывать на это глаза... И вот этого я никогда себе не прощу. – Мэри заговорила быстрее; в ее словах слышалась лихорадочная поспешность, как будто ее ударили в грудь невидимым мечом, и теперь из нее исходили личные демоны. – Уэйн, он вел себя так... странно, когда рядом были дети. Но тогда, в шестидесятые, мы о таких вещах не говорили. Мы не знали

такие слова, как «растлитель малолетних». Сомневаюсь, что этот термин вообще существовал тогда. Никто в городе никогда ничего не говорил мне прямо, но я думаю, что почти все подозревали. Никто не оставлял Уэйна наедине со своими детьми.

Сьюзен, сама уроженка маленького городка, прекрасно представляла себе эту картину: разговоры вполголоса на рынке, резко обрывавшиеся всякий раз, когда появлялась Мэри. Взгляды украдкой, сочувственные и в то же время осуждающие. Мэри окружали те самые люди, которые, вероятно, называли себя ее друзьями, которые догадывались о ее грязной тайне, но никто из них не предлагал помочь: может, потому, что это не касалось их самих, может, потому, что у всех хватало своих проблем, а может, и просто потому, что они ничего не могли сделать...

Мэри опустила глаза и уронила голову вперед, как будто те слова, которые она собиралась произнести, были слишком для нее тяжелы.

– Конечно, я не всегда знала, что Уэйн делал с Джеральдом. Поначалу были подозрения, но со временем не замечать ничего стало просто невозможно. Я...

Мэри сунула руку под блузку, порылась в лифчике и вытащила скомканную салфетку. Высморкавшись, засунула ее обратно туда, откуда взяла, и продолжила:

– Но, как я уже сказала, тогда все было по-другому. Я была необразованная, без денег, если не считать того, что Уэйн давал на покупку продуктов. Я пыталась копить, откладывать что-то, но собрать нужную сумму не получалось. Я не могла просто взять и уйти. Куда бы я пошла? Однажды попыталась обратиться за помощью к родителям, но они сказали мне идти домой, возвращаться к мужу. Так что...

Мэри закашлялась и потеряла грудь. Сьюзен быстро пересекла комнату, прошла на кухню и налила стакан воды для старухи. Та с благодарностью приняла его и сделала несколько глотков. Откашлявшись, она подняла голову, по-видимому, решив рассказать свою историю до конца.

– Как бы глупо это ни звучало, я думала, что если Джеральд сможет подождать еще немного, если ему удастся продержаться до восемнадцати лет, тогда он уедет подальше и забудет все эти ужасы своего детства.

«Забыть... Как будто так легко выбросить все из головы, – усмехнулась про себя Сьюзен. – Забыть годы насилия и издевательств, словно это какой-то глупый, унижительный опыт юности, как обмочиться на школьном дворе. Было и прошло». Сьюзен изо всех сил сосредоточилась на том, чтобы держать голову прямо, чтобы не затрясти ею протестующе и не закричать.

– Знаешь, я ведь его убила, – сказала Мэри, и Сьюзен замерла.

Теперь две женщины сидели так тихо, что единственным звуком была капающая из крана вода на другой стороне комнаты.

– Ты правильно меня расслышала, – сказала Мэри совершенно опустошенным голосом. – Но что ты на самом деле сделаешь? Если арестуешь, до суда я в любом случае не доживу. И любая тюрьма, в которую вы меня упрячете, будет в любом случае лучше этого заведения.

В этой истории было нечто большее, чем Сьюзен хотела бы услышать.

– Мэри, я не понимаю, какое все это имеет отношение к тому, ради чего я пришла.

Мэри не обратила внимания на ее заявление.

– Разве ты не хочешь знать, как я это сделала? – спросила она и ответила раньше, чем Сьюзен успела что-то сказать: – Грибы.

– Грибы?

– Растерла и положила ему в мясной рулет. А собрала их на поле за нашим домом. Ядовитые, конечно, – добавила Мэри с кокетливой полуулыбкой.

Сьюзен пребывала в растерянности, не зная, что делать. Никогда еще она не слышала такого откровенного, наглого признания вины, даже когда преступников ловили с поличным. Может, позвонить в участок? Записать признание на бумаге? Ей приходилось иметь дело

со многими насильственными преступниками, но никогда – с убийцей. В конце концов она решила разыграть партию спокойно, дав Мэри возможность выговориться.

Впрочем, старуха и не думала останавливаться.

– Однажды вечером за ужином – Джеральд был на футбольной тренировке, так что мы остались вдвоем – я сказала Уэйну, что у меня болит живот, что есть я не хочу, и пусть он продолжает без меня. Он так и сделал – думаю, в первую очередь чтобы удержать меня от обсуждения моих, как он это называл, «женских проблем». Уэйн всегда был брезглив, когда дело касалось женской анатомии.

Ничего удивительного, подумала Сьюзен.

– Он умер той же ночью в больнице.

– От случайного отравления, – пробормотала Сьюзен.

– Правильно. Откуда мне, темной и необразованной, как все думали, было знать, что некоторые грибы смертельно опасны? Люди всегда относились ко мне так, будто я тупая. А убеждать их я не спешила – зачем?

– И никаких обвинений вам никогда не предъявляли...

– Не предъявляли, но, как я предполагаю, вы это уже знали.

Мэри поправила одеяло – решение этой небольшой задачи, казалось, потребовало от нее огромных усилий. «Черт возьми, если надевать наручники, я же ей запястья сломаю», – подумала Сьюзен.

Старуха немного покашляла – борьба с одеялом сбивала ей дыхание, – а потом задала неожиданный вопрос:

– Ты знаешь, как я это сделала, но разве не хочешь узнать почему?

– Думаю, из-за того, что он творил с Джеральдом.

– Да. И нет.

Сьюзен уже не смела шевельнуться, зато пульс разбежался вовсю.

– Убить своего мужа я решила, когда мыла посуду после завтрака, – сказала Мэри и сглотнула. Говорить ей становилось все труднее, каждое слово отнимало все больше сил, и паузы между ними растягивались. Сьюзен надеялась, что она дойдет до конца, прежде чем окончательно отключится. – Я стояла у раковины, смотрела, как Джеральд играет на улице с маленьким мальчиком из соседнего дома, Ленни Линкольном...

Сьюзен отправила имя мальчика в соответствующий отдел памяти. Как и в случае с медсестрой, она пока не решалась ничего записывать, чтобы не спугнуть Мэри.

– Хотя Нора и Генри Линкольны – родители Ленни – были добры ко мне, я чувствовала, что они презирают нас. Как семью. Они боялись Джеральда – его многие боялись, он уже тогда был большим мальчиком, – но Уэйна откровенно ненавидели. Я видела это в их глазах. И они были не единственными в городе, кто относился так к моему мужу. В общем, этот взгляд был мне знаком. – Мэри покачала головой. – Ленни запрещали приходиться на наш участок. Я знала об этом, потому что однажды подслушала, как Генри ругал сына. Ленни вернулся домой с яблоками, которые я дала ему с яблони в нашем дворе. За городом звук разносится далеко, особенно когда кто-то кричит. И Генри определенно кричал на Ленни.

Сьюзен нахмурилась.

– Но он снова оказался на вашем участке?

Мэри пожала плечами.

– У Линкольнов было двое сыновей. Старший – ответственный мальчик; отец у него был другой, погиб в результате несчастного случая на ферме, так что, возможно, объяснение в этом. Ленни же никогда никого не слушал. Родители его баловали, но очень любили. Я боялась, что у него будут неприятности с Генри из-за того, что он пришел в наш двор, и собиралась сказать, чтобы шел домой, как только я закончу мыть посуду. К Джеральду никто никогда не приходил,

и в тот раз они вроде бы хорошо играли, устраивали гонки гусениц или что-то в этом роде, так что я не видела большого вреда в том, чтобы оставить их в покое на несколько минут...

Мэри отвлеклась ненадолго на стоявшую рядом с ней корзинку с пряжей и иголками. Сейчас она выглядела на свои девяносто шесть лет, на все девяносто шесть.

– Но потом я увидела такое, что мне не понравилось, – сказала она. – Я увидела, как Джеральд смотрит на Ленни.

Сьюзен вдруг почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– Как смотрит?

Мэри посмотрела Сьюзен в глаза и, должно быть, увидела что-то такое, что заставило ее уточнить. Отвращение?

– Я хочу, чтобы ты поняла: я никогда не видела, чтобы Джеральд прикасался к Ленни. Неужели ты думаешь, что я стояла бы в стороне, если б он трогал мальчугана?

«Но вы же позволяли вашему мужу делать это с сыном!»

– Но взгляд, – продолжала Мэри. – Станный для подростка взгляд. Так молодой человек в возрасте Джеральда должен был бы смотреть на женщину.

– Я понимаю. – Сьюзен пришлось постараться, чтобы ее голос звучал ровно и спокойно.

После рассказа старухи она чувствовала себя так, словно ее лапали грязными пальцами.

– Вот тогда я поняла, что Уэйн начинает влиять на Джеральда, и что если я ничего не сделаю, у Джеральда никогда не будет шанса на нормальную жизнь. Поэтому, отправив Ленни домой, я вышла в поле и собрала те самые грибы. Пару дней спустя Уэйн был мертв.

Мэри остановилась, поправила одеяло.

– Теперь-то я понимаю, что ждала слишком долго. Уэйн уже заразил нашего сына скверной. А может быть, эта скверна, эта болезнь передалась ему с генами...

Ну и семейка! Как на подбор – все испорченные. Впрочем, подумала Сьюзен, у ее собственной семьи тоже были проблемы. Хотя в сравнении с Никол они просто семейка Брейди¹⁰.

Сьюзен кивнула.

– Так вы хотите сказать, что Джеральд попал в тюрьму из-за того, каким стал?

Мэри посмотрела на нее как-то странно.

– Да, поэтому. И еще из-за того, что случилось с Ленни.

Сьюзен подалась вперед.

– Что вы имеете в виду? Что случилось с Ленни?

– О, я думала, ты знаешь, – сказала Мэри с притворным удивлением. – Ленни исчез.

– Когда?

Мэри заерзала на стуле.

– Когда, миссис Никол?

– На следующий день после того, как я увидела, как он играет с Джеральдом. За день до того, как я убила Уэйна. – Голос Мэри звучал чуть громче шепота.

– К чему вы клоните, Мэри? Хотите сказать, что Джеральд имеет какое-то отношение к исчезновению Ленни? Или Уэйн? Или и тот, и другой? – Сьюзен хотела бы задать вопросы побыстрее, но не смогла. – Что тело, которое мы нашли на вашем поле, это... Ленни Линкольн?

– Я не знаю ничего больше того, что уже тебе рассказала, – отрезала Мэри. Сьюзен знала по собственному опыту, что свидетели иногда так поступают. То они поют, как канарейки, то вдруг умолкают. Особенно часто такое бывает, когда дело касается их собственных детей. – Если ждешь, что я скажу тебе, что Джеральд убил Ленни, то ты еще более сумасшедшая, чем половина здешних. Он – мой сын, и помогать вам отправить его на электрический стул я не стану. Все, что я знаю, – это то, что Ленни Линкольн исчез, когда играл в прятки со своим братом.

¹⁰ «Семейка Брейди» – американский комедийный телесериал (1969–1974).

– Но вы должны признать, учитывая другие преступления Джеральда...

Мэри посмотрела прямо в лицо Сьюзен холодным взглядом.

– Если ты хочешь кого-то обвинить, вини Уэйна. Независимо от того, кто что сделал, он несет ответственность. Он – корень всего этого зла.

– Но...

– Я сказала все, что должна была сказать. – Мэри схватила спицы и пряжу.

– Чего я не понимаю, Мэри, так это зачем вам признаваться сейчас, после стольких-то лет? Думаете заслужить отпущение грехов?

– Если хочешь арестовать меня за убийство Уэйна, пожалуйста, арестовывай, – сказала Мэри, шелкая спицами. – Если нет, то я хочу, чтобы ты ушла. *Пожалуйста.*

Сьюзен понимала, когда приставать к свидетелю бесполезно, когда пора, как говорится, собирать вещички и убираться. Из Мэри ничего больше не вытянуть. Некоторое время она играла с висевшими на бедре наручниками, наблюдая за работой старухи, спицы у которой мелькали с такой быстротой, что за их движением было невозможно уследить.

Глубоко вздохнув, Сьюзен поднялась и поблагодарила Мэри за уделенное ей время, но упрямая старуха отказалась поднять глаза, даже когда гостя уходила.

Уже сидя в патрульной машине, Сьюзен долго смотрела в окно. Что же все-таки делать? Мэри только что призналась в убийстве, преступлении, не имеющем срока давности... Арестовывать или не арестовывать? По крайней мере ее можно было бы задержать за воспрепятствование правосудию.

В конце концов Сьюзен призналась самой себе, что на самом деле не хочет арестовывать Мэри, и не только потому, что мысль о том, чтобы тащить хрупкую девяностолетнюю женщину в участок в наручниках, представлялась невыносимой. И даже не из-за неизбежной шумихи в прессе, которую, несомненно, вызвал бы такой арест: при нынешней атмосфере охоты на ведьм в социальных сетях, когда те, кто является объектом нападения, считаются виновными до тех пор, пока не будет доказана их невиновность, сотрудники полиции находятся под неослабевающим общественным контролем, который чаще склоняется к враждебности, чем к благожелательности.

Но все же суть была не в этом. Хотя Сьюзен никогда не призналась бы в этом вслух – особенно перед теми, кто был знаком с ее отношением к правоохранительным органам, – настоящая причина, по которой она не хотела привлекать Мэри, заключалась в том, что в глубине души она чувствовала: Уэйн Никол получил по заслугам. У самой Сьюзен детей не было, но она легко, не напрягаясь, представляла, что могла бы убить любого, кто надругался бы над ее сыном так, как Уэйн надругался над Джеральдом. Поступить так с беспомощным ребенком – это какой-то особенный вид зла.

И, возможно, это Уэйн, а не Джеральд, убил соседского мальчика, если найденные останки действительно принадлежат Ленни Линкольну. Хотя Сьюзен больше склонялась к тому, что это сделал Джеральд, учитывая то, как он улизнул из города сразу после обнаружения тела. Как бы то ни было, разве мир не стал лучше без Уэйна Никола? Разве улицы Перрика не стали немного безопаснее для детей?

Но приводить этот аргумент в оправдание своих действий она не могла. Такого рода решения лежали за рамками ее компетенции – во всяком случае, она была обязана относиться к подозреваемым беспристрастно. Аргументы и смертные приговоры – это удел адвокатов и судей.

До сих пор Сьюзен удавалось не ввязываться в сомнительные дела на работе, но одной из самых больших проблем в работе полицейского (если не считать опасности погибнуть при исполнении) оставался постоянный риск вляпаться в неприятности, запачкаться. Если она не примет меры в отношении Мэри, не пересечет ли тем самым запретную черту? Не окажется

ли в компании тех полицейских, которые прощают друзьям вождение в нетрезвом виде или скрывают факт физического насилия?

Сьюзен потянулась за стаканом в держателе, вспомнила, что он пуст, и вздохнула. Еще не было и полудня, а ее уже снова клонило в сон, голова болела от усталости, мысли путались. Может быть, она драматизирует ситуацию, забегает вперед... В конце концов важные решения могут подождать.

Мэри убила Уэйна более пятидесяти лет назад. От еще нескольких часов хуже никому не станет.

Глава 7

Бодега-Бэй даже превзошел ожидания Эрика. Все те положительные отзывы, которые он нашел в интернете о симпатичном (пользуясь любимым словечком Мэгги) прибрежном поселении, были вполне заслуженными.

Тщательно обследовав скалистое побережье в районе Гоут-Рок-Бич, он побаловал себя сытным ланчем – фиш-энд-чипс¹¹ – в «Каррентс сифуд», поданным в старомодной манере, в газете (или, по крайней мере в тонкой оберточной бумаге, специально сделанной под газету), запивая его местным напитком под названием «Сисик Сэллис эль». Потом он фотографировал чаек и, просматривая воздушных змеев в заведении под названием «Воздушные змеи Берта», познакомился с вежливым владельцем магазина по имени Берт. В «Подарках от Лулу» Эрик купил пятифунтовый пакет ирисок, облегчив его на полфунта еще до того, как покинул парковку. В маленьком придорожном ларьке он взял полдюжины свежих устриц и стейк из тунца, чтобы приготовить позже на ужин.

С легким сердцем и ощущением приятной тяжести в животе Эрик подумал, что, в общем-то, день получился чертовски хороший.

Он уже не ждал никаких новых радостей, пока не заметил самодельный знак у шоссе, в нескольких милях от города. Надпись на нем гласила:

РАСПРОДАЖА АНТИКВАРИАТА
СУББОТА, 8 УТРА – 8 ВЕЧЕРА
В ЛЮБУЮ ПОГОДУ!
ТОЛЬКО НАЛИЧНЫЕ

Эрик едва не оставил знак без внимания, потому что было уже поздно, но потом позволил себе улыбнуться, вспомнив, что дома ему отчитываться не перед кем. Мэгги регулярно донимала его из-за старинных безделушек, так как у него была склонность с энтузиазмом приступать к работе – немного шлифовки здесь, слой краски там, – но потом терять интерес примерно на полпути. Затем они отправлялись в гараж и зачастую заканчивали путь в мусорном контейнере. Мэгги называла их полупроектами и всегда фыркала.

Чего не понимала Мэгги – как и другие, озадаченные этим занятием «старьевщика», – так это того, что связь Эрика с древностями лежала практически в сфере потустороннего. Простое прикосновение к старинной мебели могло перенести его на десятилетия и даже столетия в прошлое; он мог вдохнуть воздух леса, где росло дерево, почувствовать энергию рук древодела в резных деталях, соединиться с теми, кто владел этой мебелью и любил ее. С уверенностью, обосновать которую он не мог никому, даже самому себе, Эрик определял, пребывала ли та или иная вещь в счастливом доме или же в доме, где царили суматоха и беспорядок.

Мэгги, конечно, говорила, что суматоха и беспорядок царят в его голове.

Эрик отпустил педаль газа. С тех пор, как он в последний раз брался за проект, прошло уже немало времени. И если ему захочется купить какую-то вещь – или две (или десять), – что с того? Небольшое развлечение может даже пойти на пользу. Даст возможность повозиться с чем-то, отвлечься, не позволит заикнуться...

Посигналив, Эрик быстро повернул налево и покатил по неровной гравийной дорожке, которая заканчивалась у большого сарая, строения, какое редко увидишь в Филадельфии. Кстати, гравийные подъездные дорожки, которых в этих краях было предостаточно, там тоже встречались редко. Машин в конце дорожки было припарковано не так уж много, но все же достаточно, чтобы Эрик запаниковал.

¹¹ Рыба в кляре и картошка, жаренные во фритюре; блюдо считается национальной уличной едой Британии.

«В чем меня опередили? Какие сокровища ушли, не дождавшись меня?» Эти мысли в той или иной степени свойственны каждому, кто имеет дело с антиквариатом. Поскольку шел уже седьмой час, большого оптимизма Эрик не питал. Скорее всего, ему достанется только хлам.

И все-таки посмотреть не помешает.

Освещение внутри сарая было хорошее, хотя и немного тусклое. Чего оказалось предостаточно, так это паутины. Под крышей, на стропилах, похоже, обосновалась пара сов. По собственному опыту Эрик знал – распродажа в таких местах бывает либо действительно стоящей, либо ни на что не годной. В первом случае застройщик, у которого денег как грязи и который не интересуется антиквариатом, приобрел участок и просто хочет его расчистить, прежде чем запускать бульдозер. Это хороший вариант. Во втором случае какой-то темный нарик сгреб мусор в надежде заработать несколько баксов на очередную закупку. Это плохой вариант.

В случае с этим сараем ни один из описанных вариантов не годился.

Кое-как подметенный бетонный пол был местами застелен брезентом, на котором расположились предназначенные для продажи вещи. Эрик почти не ошибся в своем предположении о хламе. Большая часть оставшегося к его приезду была представлена уродливой деревянной мебелью 1970-х: тяжелыми столами и комодами, оставшимся не у дел креслом, обтянутым кожзамом цвета авокадо. Имелось также множество ржавых автомобильных деталей, большинство из которых Эрик не смог идентифицировать. Некоторые вещи, возможно, стоили немалых денег – например, раскрашенные наборы посуды, старинные броши и пугающе реалистичные фарфоровые куклы, сделанные с использованием чего-то очень похожего на настоящие человеческие волосы. Но ничего из этого Эрик не хотел и ни в чем таком не нуждался.

Он уже решил уйти, когда увидел сундук для путешествий. Тот стоял в углу, немного потертый, грустный и одинокий, каким и положено быть настоящему антиквариату. «Ага, – подумал Эрик, – родственная душа». Подойдя ближе, он увидел, что в сундуке еще теплится жизнь.

И тут же понял, что хочет его приобрести.

Вообще-то, Эрик всегда хотел иметь подобный сундук, но так и не собрался купить. В основном из-за цены (*и Мэгги*), поскольку приличный сундук обошелся бы покупателю в сотни или тысячи долларов – даже десятки тысяч долларов, если его сделал известный дизайнер. Данный экземпляр, на взгляд Эрика, мог потянуть на пару сотен, тратить которые ему, вероятно, не следовало до тех пор, пока он не начнет получать стабильную зарплату.

С другой стороны, ему очень хотелось.

Места в его новом пустом доме было предостаточно, и приобретение сундука стало вдруг настоящей необходимостью. Никогда еще ни одна вещь не вызывала у него такого желания (хотя Мэгги могла бы возразить против этого утверждения). Он закрыл глаза и провел ладонями по крышке, ощущая прикосновение истории в бугристых неровностях прижимающегося к коже дерева. Эрик уже видел сундук в ногах своей кровати, заполненный пластинками и старыми фильмами ужасов на видеокассетах...

Если уж решил посмотреть, то почему бы не спросить о цене?

У него было лицо честного человека, и люди, как известно, склонны доверять учителям. Может быть, тот, кто устроил распродажу, сжалится над обедневшим преподавателем и согласится на оплату в рассрочку?

Выйдя из амбара, Эрик нашел нужного человека – старого сутулого хиппи с длинным белым хвостом и идентичной бородой, которого все на распродаже называли Воротилой. Он посасывал самокрутку, стряхивая пепел в опасной близости от клочка высохшей желтой травы, прилепившегося к земле у входа в сарай. Казалось, его не слишком беспокоит возможность, что все может запросто сгинуть в огне. Может быть, он даже надеялся на это.

– Сундук вон там, в углу, – сказал Эрик, готовясь к неизбежному и обязательному торгу. Если эти собиратели старья и любили что-то, то, конечно, торг. – Мне вот интересно, сколько бы вы хотели за него?

Воротила пожал плечами.

– Как насчет двадцатки?

Эрик подумал, что ослышался.

– Двадцать... долларов?

– Ну не кошачьих какашек же, – сказал Воротила и разразился хриплым смехом, для достижения которого, должно быть, потребовались десятилетия курения сигарет без фильтра. – Да, двадцать баксов, и закончим на этом. Только наличные. Я уже собираюсь домой. Чертова спина, она меня убивает.

Сердце бешено колотилось, Эрик бросил быстрый взгляд внутрь сарая.

Все разошлись, и они остались вдвоем. На пляже он положил в карман несколько стеклянных окатышей, и теперь они выпали, когда он сунул руку в джинсы за двумя десятками. Подумать только, чуть не пропустил распродажу!..

Вздыхнув, Эрик сунул купюры обратно в карман. Он не верил ни в карму, ни в ад, но знал, что если промолчит, будет чувствовать себя виноватым при каждом взгляде на чертов сундук. Проклятие Хорошего Парня.

– Не могу поверить, что собираюсь это сказать, – начал Эрик. – Но вы должны знать, что сундук стоит больше двадцати баксов. Намного больше. – В ситуациях вроде этой ему хотелось иногда быть больше похожим на Джима. Вот уж кто решил бы вопрос со стариком без зазрения совести.

Воротила покачал головой, и морщинистая индюшачья шея задрожала, когда он прочистил горло.

– Ценю твою честность, сынок, но, боюсь, нет. – Махнув узловатой рукой, он повел Эрика к сундуку. – Теперь моя очередь быть честным. Ты ведь не заглядывал внутрь, не так ли?

Эрик смущенно улыбнулся.

– Нет, не заглядывал.

– Тебе бы лучше отойти, – предупредил старик и поднял крышку.

Эрик зажал рукой нос и рот – ну и вонь!

– До печенок пробирает, да? Представить не могу, что здесь хранилось, но, черт возьми, точно нечто не особо приятное. – Старик загоготал, но сорвался на сухой кашель. – Я, когда начал распродажу сегодня утром, открыл его да посыпал дно ароматической смесью. Жена держит пакетик этой смеси в машине – говорит, что у меня ноги пахнут, хотя я думаю, это ее ноги пахнут, да только она скрывает. Называется эта штука «Тосканский бриз», какой бы запах под этим ни имелся в виду. Но потом заметил, что вонь отгоняет людей, поэтому и закрыл крышку.

– Представляю...

– В общем, я тут подумал, что надо бы тебя предупредить насчет его внутренностей до того, как ты его купил. Люблю вести честный бизнес.

– Ценю, – сказал Эрик, нисколько не сомневаясь, что Воротила взял бы свои двадцать баксов и позволил ему уйти, не упомянув о вони, если б он первым не заговорил о цене сундука. «Нет чести у воров, а, старина?»

– Еще там дырка в углу. На самом деле маленькая. Видишь, дерево вроде как коробится?

– Так и есть, – сказал Эрик, заглядывая в сундук. – Мыши? – Он затаил дыхание, поэтому получилось что-то похожее на *мыи*, но Воротила понял, о чем речь.

– Вот уж не знаю, хотя мышино дерьма я в нем не нашел. – Старик снял с губы табачную крошку и затушил окурок, раздавив его каблуком. – Я так мыслю, что кто-то мог использовать его как украшение. Для фена с шумом, или как там это у них называется. – Он закатил глаза,

показывая, что не купился на такую нью-эйджевскую¹² туфту, как фэншуй. – Симпатичная вещица, но пока закрыта.

– Позвольте полюбопытствовать, откуда он у вас взялся? С дворовой распродажи? – Вонь вонью, но Эрик обнаружил, что сундук ему все равно нравится. От любого запаха можно избавиться с помощью правильного очистителя для дерева. Если же нет, то, возможно, старик прав и сундук улучшит энергетику спальни.

– Нет, – сказал Воротила так, словно это было достаточным объяснением. Эрик позволил следовавшей за этим тишине повиснуть в воздухе, потом понемногу осесть. В конце концов Воротила добавил: – Нашел у дороги, на обочине.

– Цепкий у вас, должно быть, глаз...

Старик уклончиво кивнул.

– Поэтому меня и прибыль не больно интересует. Я, когда увидел, что он просто валяется, понять не мог, как кто-то мог его выбросить. Знал, сколько такие сундуки стоят, еще до того, как ты мне сказал. Торгую антиквариатом, наверное, дольше, чем ты живешь, сынок. Но когда я открыл его и поймал душок, все стало ясно. – Он скорчил гримасу и поднес руку к носу. – Бог ты мой!

– И все-таки вы могли бы его очистить и, вероятно, получить гораздо больше, чем двадцать баксов. – Отпустив этот комментарий, Эрик почувствовал, что гражданский долг выполнен. Выкручивать старику руку, чтобы тот взял больше, он не собирался.

Воротила фыркнул.

– Посмотри вокруг. Я мог бы прожить еще пятьдесят лет, продолжая толкать старье. Мне больше ничего не нужно – повезет, если еще годков пятнадцать протяну.

Эрик думал, что мужику повезет, если он побрыкается еще лет пять, но свое мнение оставил при себе.

– Антиквариат сейчас уходит не так быстро, как раньше. А все эти чертовы миллениалы, – нахмурившись, сказал Воротила. – Им только новое подавай. Потратить тысячу баксов на промышленный замок под старину, когда можно купить настоящую вещь за вчетверо меньшую цену! А потом удивляются, как это все дома в квартале похожи один на другой. Конечно, может быть, именно этого некоторые и хотят...

Эрик предложил две десятки.

– Что ж... Если уверены, что двадцати хватит, буду рад избавить вас от этой штуки.

– Договорились, если сам его загрузишь, – сказал Воротила, потирая поясницу, и сунул купюры в карман, прежде чем Эрик успел согласиться. – Вот за что я их и беру. За все беспокойства. Чуть спину не сломал, когда запихивал в свой грузовичок, так что уж теперь хоть что-то за него получу. Кто и для чего его использовал, это выше моего понимания. В моем чемодане есть колесики, и то я с ним едва управляюсь, хотя и путешествую нынче не так уж много. Но у меня дочь и внуки в Аризоне, и мы планируем навестить их на Рождество. Восстановили с женой «Эйрстрим»¹³ 73-го года – это будет его первый рейс, и, надеюсь, все пройдет хорошо! Не хотелось бы застрять на шестьдесят шестом шоссе; там жарче, чем в аду. Высохнем, как изюм, прежде чем нас кто-нибудь найдет. Бывал в Седоне?

Эрик покачал головой:

– Не могу похвастаться.

– Красивое место, если любишь камни.

Эрик открыл рот, чтобы сказать, что, вообще-то, по чистой случайности, именно в камнях он разбирается лучше всего, но потом передумал. Как бы ни было одиноко, все эти разго-

¹² Нью-эйдж (*англ.* new age, «новая эра») – массовый феномен увлечения различного рода нетрадиционными мистико-религиозными практиками на Западе, возникновение которого обычно относится к 1980-м гг.

¹³ Марка трейлеров – мобильных домов.

воры изрядно его утомили, и поэтому больше всего на свете он хотел сказать, что ему пора двигаться дальше.

Словно почувствовав его нетерпение, Воротила подвел черту:

– В общем, хватит трепаться, пора бы нам обоим по домам. Жена меня убьет, если я заставлю ее слишком долго держать на паузе «Колесо фортуны»... Да, есть теперь такая функция, которая позволяет это делать. Я имею в виду, остановить передачу. Это наше вечернее шоу. «Колесо фортуны» и «Рискуй!»¹⁴.

Эрик снова придержал язык, на этот раз против желания пожаловаться собеседнику на то, что его жена не разрешала включать телевизор во время ужина. Мэгги утверждала, что это вредно для брака. Просто невероятно, что у прелюбодейки хватило наглости сделать такое заявление.

Убедившись, что крышка плотно закрыта, Эрик взялся грузить сундук. Меньше всего ему хотелось, чтобы вонь перешла на обивку. Отодвинув локтем пару теннисных туфель, которые забыл отнести в дом – а потом никак не мог вспомнить, куда их засунул, – он задвинул сундук в джип, закрыл дверцу и повернулся к торговцу антиквариатом:

– Наводит на размышления, не так ли?

Воротила оторвал взгляд от внушительной стопки наличных, которые пересчитывал, в основном десятки и двадцатки, ни одна из которых, понятное дело, не попала бы под налогообложение.

– На какие размышления?

– Что было в этом сундуке, из-за чего он так провонял. Жаль, что нельзя найти его предыдущего владельца, чтобы спросить...

– А вот мне не жаль, – сказал Воротила с кривой желтозубой улыбкой. – Если тот, у которого раньше был этот сундук, пахнет хотя бы наполовину так же плохо, у меня нет ни малейшего желания приближаться к нему.

Дома Эрик вытащил сундук из джипа и поставил в гараж, горя желанием как можно скорее приступить к работе над новым проектом. Он уже составил мысленно список всех чистящих средств и инструментов, которые нужно будет купить в хозяйственном магазине на следующий день.

– Да пошла ты, Мэгги, – сказал он.

Бросив последний взгляд на чудесное приобретение, Эрик выключил свет в гараже и дал себе обещание доказать, насколько ошибалась его бывшая жена, недооценивая его страсть.

¹⁴ Российские аналоги этих передач – «Поле чудес» и «Своя игра» соответственно.

Глава 8

Для Эрика первое занятие с новым классом всегда немного напоминало первое свидание. Он хотел нравиться, хотел показать, что он интересный и добродушный, но не слишком добродушный, а иначе есть риск, что студенты сочтут тебя слабаком. И попытаются сесть на шею.

Обычно Эрик не мандражировал в первый день, но сегодня был весь на нервах, дергал себя за волосы и грыз ногти до самого мяса. Было ли дело в депрессии, лекарствах или новом часовом поясе, он не знал, но с первого дня переезда чувствовал себя не в своей тарелке: апатия сменялась беспокойством, усталость – приливом бодрости.

Сейчас это все навалилось лавиной. К тому же он выпил больше кофе, чем, вероятно, было целесообразно, что только усилило нервозность. (Он с изумлением обнаружил, что кофейник опустел еще до того, как кофемашина автоматически отключилась; обычно такое случалось только в конце семестра, когда наступало время выставлять оценки.)

Эрик, наверное, в сотый раз посмотрел на часы. Осталось больше двух часов. Он проверил еще раз. Скорее, даже два с половиной.

Вот в этом и была проблема с занятиями, которые начинались в одиннадцать утра и заканчивались в семь вечера, с небольшими перерывами между ними. При таком расписании трудно поймать ритм. До полудня он почти ничего не успевал, зато к вечеру уставал так, что уже не мог заняться серьезной работой. Эрик предполагал, что со временем приспособится, и все наладится. Недавно он с удивлением понял, что человек может привыкнуть ко многому, когда у него действительно нет другого выбора.

Вхождению в рабочий режим не способствовало и неудобное расписание занятий: по понедельникам, средам и пятницам. При этом ему еще полагалось проверять работы в свое «свободное время». Колледж в Перрике был небольшой, и городской бюджет не позволял иметь помощника преподавателя. В Уоррентоне у него их было два. Эрик предполагал, что численность посещающих его вечерние занятия значительно сократится, как только начнется семестр – насколько ему было известно, так всегда случалось в местных колледжах, – но к нему это не имело никакого отношения, так как он все равно должен был присутствовать на рабочем месте.

Эрик пошел приготовить еще кофе, но потом передумал: заработает язву, если в ближайшее время что-нибудь не предпримет. Ему нужно было занять руки, чтобы выплеснуть нервную энергию, которая бурлила, как готовая сорвать крышку газировка в бутылке. Раньше у него была для этого старая ударная установка, но, как и многие другие вещи, которыми он когда-то владел, она осталась (*прощай, детка, прощай*) дома, в Филадельфии. Эрик задумался, не оставил ли он установку открытой, потому что в гараже она, как правило, немного пачкалась. Потом, нахмурившись, напомнил себе, что в любом случае это не имеет большого значения, поскольку, как и дом, журнальный столик и плазменный телевизор (*и Мэгги – не забывай Мэгги*), она больше ему не принадлежит.

После этой мысли пришла другая, гораздо более неприятная: а не стучит ли на его барабанах этот говнюк Джим? Как ни старался скрыть это, Джим всегда завидовал музыкальным способностям Эрика. Почему – Эрик никогда не мог понять, хотя и подозревал, что это как-то связано с тем фактом, что ударные были той единственной областью, в которой Эрик обладал заметным превосходством над своим братом.

Он вполне допускал, что Джим мог украсть его ударную установку.

(Хотя вряд ли это можно считать воровством, если ты сам ее оставил, ведь так?)

В конце концов, у Джима ведь хватило наглости украсть его...

«Хватит, остановись, прекрати это дерьмо немедленно», – мысленно приказал Эрик бормочущему у него в голове голосу. Этой дорожкой он уже ходил раньше и знал, что если продолжит в том же духе, то шипы горечи будут терзать его до конца дня.

(Молодец, что взял под контроль свои эмоции! Я горжусь...)

– Ох, перестань, тоже мне нашелся пайныка, – прикрикнул Эрик на дерзко-бодряческий голосок и тихонько рассмеялся. Интересно, подумал он, все ли недавно разведенные так много разговаривают сами с собой, или это только его собственный сорт сумасшествия. Весьма вероятно, что тут немного и того, и другого.

Захватив портативный пылесос, Эрик вышел в гараж с намерением почистить коврик джипа. Он уже совершил несколько прогулок по побережью – мыс Томалес, мыс Рейес, Бодега-Хед, – и пол в машине напоминал песочницу. Будучи горожанином большую часть своей жизни, он понятия не имел, насколько липким бывает сырой песок. Ему даже вроде как нравилось чувствовать под ногами песочный коврик. Он как будто ощущал себя... калифорнийцем. С другой стороны, предположил Эрик, песок со временем мог стать проблемой, если позволить ему копиться. Вся эта солоноватая влага в воздухе...

Силенок у его маленького пылесоса, как правило, хватало на несколько минут, поэтому он взял с собой зарядное устройство. Раньше необходимости подключать что-то в гараже не было, поэтому теперь пришлось искать розетку. Эрик нашел ее прямо за сундуком. Мимолетное чувство вины отозвалось легкой щекоткой внизу живота, когда он отодвинул сундук в сторону, чтобы дотянуться до розетки: а ведь собирался взяться за реставрацию, разве нет? Он не мог даже оправдаться, сославшись на занятость на работе. Сундук – его *родственная душа* – заслуживал любви и безраздельного внимания, но вместо этого превратился в (*полупроjekt*) обязанность, за которую не хотелось браться. Эрик несколько не удивился, услышав самодовольный голос Мэгги, таившийся на заднем дворе его сознания. Как ни неприятно, следовало признать, что она снова оказалась права. Что раздражало еще больше, так это то, что мнение бывшей жены о каких-то вещах все еще имело для него значение, притом что она с тех пор, как он уехал из города, скорее всего, и не вспомнила его ни разу.

Эрик вернулся в дом, взял пару тряпок и бутылку средства для чистки древесины, которую купил во время своей последней поездки по магазинам. На момент покупки он даже не знал, нужен ли ему очиститель для дерева, но почему-то решил, что такая вещь должна быть в доме у ответственного взрослого мужчины. В Филадельфии именно Мэгги покупала всю домашнюю мелочь: бумажные полотенца, аспирин, средство для мытья посуды, зубную нить, освежитель воздуха... На этом фронте Эрик был невежествен, но полагал, что со временем войдет в курс дела.

Поначалу Эрик планировал только протереть сундук по-быстрому. Просто для того, чтобы формально запустить проект. Он не проводил никаких реальных исследований по восстановлению сундуков для путешествий, и информация, которую нашел в интернете, была смехотворно противоречивой. На каждого блогера, который рекламировал определенный метод ремонта как лучший, тут же находился другой, утверждающий, что тот предлагаемый метод привел к трещине в его деревянной конструкции. Или царапине на металле. Или повреждению патины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.